

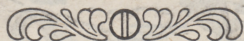
Срок конкурса журнала „ЗНАНИЕ-СИЛА“ на лучшую модель с ценными премиями продлен до 1-го октября. Подпишись на журнал, участвуя в конкурсе!

ЕСЛИ ТЫ ИНТЕРЕСУЕШЬСЯ приключениями, путешествиями, открытиями, жизнью, бытом и природными богатствами СССР, жизнью народов Запада и колониальных стран, вопросами мироздания если ты хочешь учиться строить технические модели, делать опыты на самодельных приборах,

ПОДПИШИСЬ

НА

ежемесячный иллюстрированный научно-популярный журнал для молодежи и подростков

Знание-сила

ПОДПИСЧИКИ В ТЕЧЕНИЕ 2-го ПОЛУГОДИЯ 1927 г. ПОЛУЧАТ ВЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ К ЖУРНАЛУ:

- 1) Научные опыты и развлечения — Я. И. ПЕРЕЛЬМАН.
- 2) Как сделать деревянные часы — С. ПОСТНИКОВ.

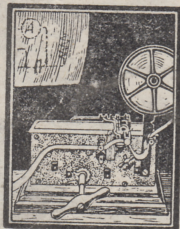
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на „ЗНАНИЕ - СИЛА“ с приложениями (с пересылкой и доставкой):
На 1 год — 2 р. 90 к. На 6 мес. — 1 р. 50 к. На 3 мес. — 80 к.

Цена отдельного № журнала в розничной продаже (во всех газетных и книжных киосках) — 35 коп.
ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ почтовым переводом по адресу: Москва 9, Тверская 37, Главная Контора периодических изданий Изд-ва „Молодая Гвардия“.

Подписка принимается также во всех отделениях и магазинах „Молодой Гвардии“ и во всех почтово-телеграфных конторах СССР.

Пробный № журнала „ЗНАНИЕ-СИЛА“ высылается по получении 30 к. (можно марками).

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛЮБИТЕЛЯМ ТЕХНИКИ

„ДЛЯ УМЕЛЫХ РУК“

ИЗГОТОВЛЕНИЕ СВОИМИ РУКАМИ в ШКОЛЕ и ДОМА МОДЕЛЕЙ, ПРИБОРОВ, МЕХАНИЗМОВ, МАШИН, ОБОРУДОВАНИЙ и пр.

ТОКАРНЫЙ СТАНОК

Лаборатория юного электрика. 18 рис. Ц. 40 к.
Самодельный телефон и его проводка. 33 рис. „ 35 „
Самодельный электрич. телеграф. 22 рис. „ 35 „
Электромоторы пост. и перемен. тока. 25 рис. „ 40 „
Электрические нагреватели и печи. 46 рис. „ 45 „
Индукционная катушка и опыты с нею. 20 рис. „ 45 „
Радиоприемник и его устр. 22 рис. „ 35 „
Детекторы в обиходе радиолюбит. 20 рис. „ 40 „
Радиотелефонная трубка. 10 рис. „ 15 „
Мастерская юного техника. 60 рис. „ 35 „
Токарный станок и работа на нем. 56 рис. „ 45 „

Как приготовить зеркала (практика и рецептура). Ц. 40 к.
Физика на спичках. 22 рис. Ц. 40 к.
Химическая лаборатория любителя. 22 рис. „ 35 „
Химические развлечения. 7 рис. „ 35 „
Весы, их изготовл. в школе и дома. 14 рис. „ 35 „
Центробежная машина и опыты с нею. 6 цвет. табл., 20 рис. „ 50 „
Землемер-любитель. 40 рис. „ 45 „
Зеркальный телескоп. 20 рис. „ 45 „
Шлифовка линз. 10 рис. „ 40 „

ФОТОГРАФИРОВАНИЕ — ЛУЧШЕЕ ЗАНЯТИЕ ЛЕТОМ

„БИБЛИОТЕКА ФОТОГРАФА-ЛЮБИТЕЛЯ“

Самодельный фото-аппарат. Ц. 30 к. Как снимать? 42 рис. Ц. 65 к. Лаборатория фото-любителя. 42 рис. Ц. 40 к.
Выбор фото-аппарата. 15 рис. Ц. 45 к. Как проявлять негативы. 8 рис. Ц. 45 к. Фото-увеличение на самодельном аппарате. 11 рис. Ц. 35 к. Рецептура фотографа. Ц. 50 к. — Дальнейшие №№ библиотеки выходят.

ВСЕ КНИЖКИ В КРАСОЧНЫХ ОБЛОЖКАХ

Книги высылаются наложенным платежом. — Суммы до двух руб. можно высылать марк.

При каждой отправке книг высылаются условия

КОНКУРСА

на лучшее изготовление описанн. в серии устройств.
Премии: инструменты, их наборы и материалы

ИЗДАНИЕ ПОПУЛЯРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

„В МАСТЕРСКОЙ ПРИРОДЫ“

Адрес конторы: Ленинград, пр. Володарского, 25/3.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА

Лер. Фонтанна, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 17

1927 г.
СЕНТЯБРЬ
15

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

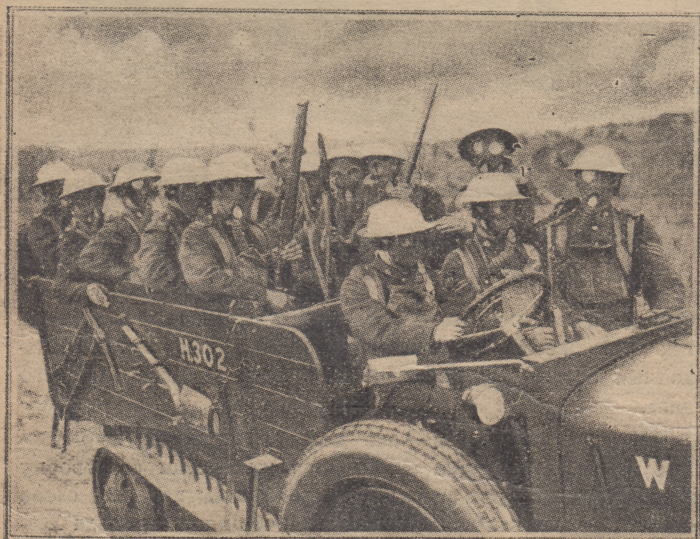
Содержание: *Н. Лебедево.* „Сказка о всеобщем разоружении“. — *В. Ман.* „Старые и новые“ (Молодые партизаны). — *К. Хайн.* „Приключения капитана Кэтли“ (Айсберг — ледяная гора). — *Е. Юкон.* „Случай в вагоне“. — *Ч. Тракт.* „Черные и белые“. — *М. Млын.* „Фабрика будущего“. — *Н. Дорохов.* „Молодежь революции“. — *С. Б—ок.* „О других мирах“ и т. д.

СКАЗКА О ВСЕОБЩЕМ РАЗОРУЖЕНИИ

Нынешнее благосостояние Англии зиждется на морской торговле. Англия была и все еще остается главным образом первоклассной морской державой. До сих пор это первенство на океанских волнах обеспечивалось и первенством в области морских вооружений. Англия не терпела не только превосходных, но даже и равных себе соперников. На голову каждой державы, стремившейся создать

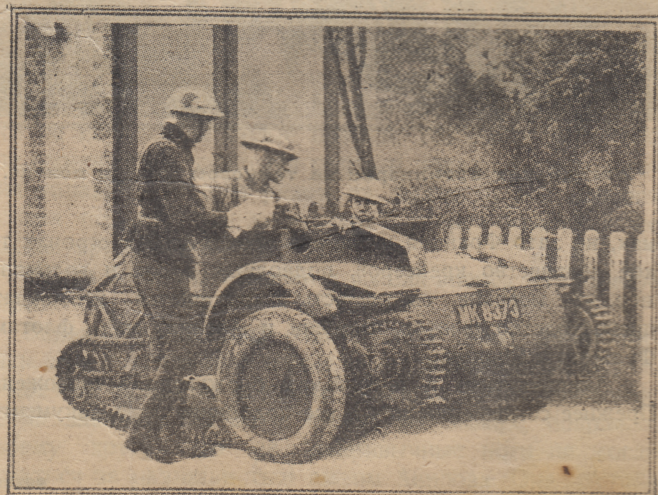
ликая морская держава — Япония, а Франция далеко обогнала Англию в строительстве подводных лодок, гидропланов и даже легких крейсеров. Из всех сил старается подняться на роль большой морской державы Италия. Словом, иметь флот, равный по величине флотам Америки и Японии или Америки и Франции, больше не под силу английской буржуазии. Морское могущество Англии поставлено под вопрос. Морские вооружения и без того идущие гигантскими шагами по пути качественного и количественного роста уже после войны, после опыта Ютландского сражения, грозили вылиться в гигантские соревнования, способные поглотить многие миллиарды народных сбережений.

Америка выступила в 1921 г. с предложением об ограничении военного судостроения и на Вашингтонской конференции ей удалось продиктовать в некоторой степени свою волю Англии, Японии и другим державам. Конечно, не стремление к миру руководило инициаторами конференции. Английский флот все еще был больше американского, а между тем разжиревший в годы войны американский денежный мешок считал себя в праве обладать флотом, по

Английская пехота в полной противогазовой экипировке проезжает на маневрах через отравленную зону.

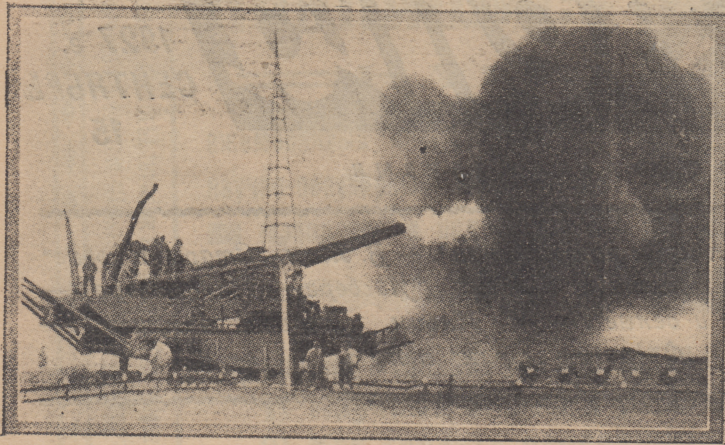
такой же могущественный флот, опускался разящий меч английского негодования и соперник вынужден был уйти с арены соревнований. Так было с Голландией, с Испанией, то же с Наполеоновской Францией и, наконец, 10 лет назад с Германией. Основным руководящим принципом в деле морских вооружений английское адмиралтейство придерживалось правила: Англия должна иметь флот, превосходящий флоты двух следующих за ней морских держав. Так было, но теперь это уже недостижимая мечта для английской буржуазии. И тут на пути у Англии в первую очередь стала Америка, в Тихом океане выросла новая ве-

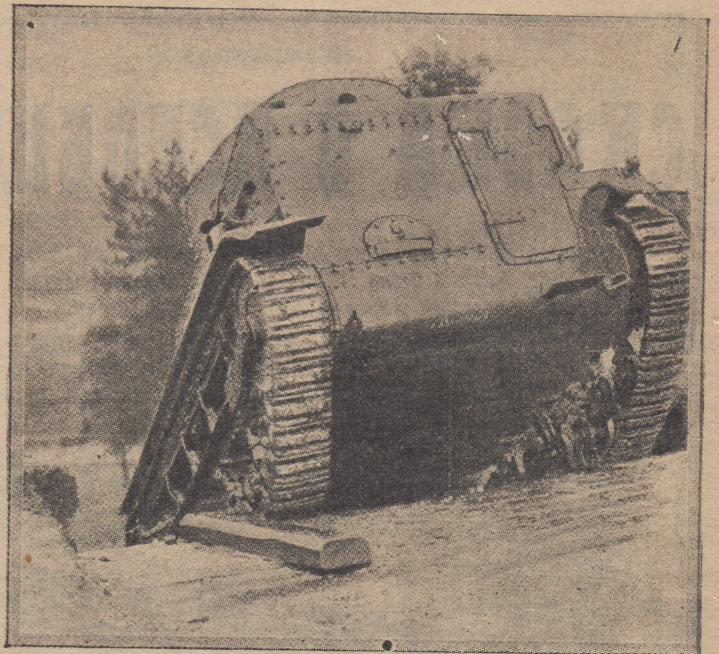
Двухместный танк на маневрах.

«Англия принимает меры предосторожности против нас, а мы желаем принять меры предосторожности против Англии. Англия хотела бы упразднить подводные лодки — на это мы не согласны, но если Англия пожелает упразднить линейные суда, то мы немедленно же согласимся на упразднение подводного флота... Англия не намерена никогда использовать свои линейные суда против Франции.

Прошло всего лишь несколько лет и оказалось, что Вашингтонская конференция не прекратила морского вооружения. Линейные суда оставались в установленных нор-

Мирные разговоры — это для пролетариата. Буржуазные министры отлично знают цену женевским разговорам и газетным статьям со склонением во всех падежах слова «мир». Нет никакого сомнения в том, что после провала Женевской конференции морские вооружения начнутся в самом бешеном темпе и первые ласточки этой новой весны уже на-лицо: Англия приступает к постройке 10 легких крейсеров, Америка же открыто заявляет о необходимости приступить к выполнению широкой программы морских вооружений. Кто же сомневается в том, что вслед за этими гигантами последуют Франция, Япония и Италия? А куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Все идет к новым гигантским вооружениям, остановить которые сможет только новая грандиозная бойня и неизбежно последующая за нею революция.

Американская и английская буржуазия встревожены. Прежнее соглашение, как и все подобного рода документы,

Рис. худ. И. Королева.

Часть третья.

Содержание первой и второй части.

МОЛОДЫЕ ПАРТИЗАНЫ.

Глава I.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — искаженное Дунька).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилову, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилову возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авилов, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названный также Викентием.

В безысходной тоске Дука заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятым ею из берлоги медведем снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, проби́л и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Колымск).

Люди голодали; как взрослые, так и дети. «Голодный конец» завистливо смотрел на другую сторону речки, где жили богатые торговцы. Наконец, происходит первая на реке Колыме экспроприация: тщедушный Пака забирается в амбар купца Макарьева за рыбой для своих голодных детей. Хотя Паке не удастся унести добычу, но следовавшие за ним колымские ребята хорошо использовали открытый Пакой амбар.

Обильный 1914 год у всех поправил дела на Колыме. Но затем грянула война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веяния, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Рушатся все устои веками сколоченной жизни. Созывается первый на Колыме «митинг», на котором вся власть вручается Митьке Реброву. Учитывая повсеместную, общую нужду, Ребров «макаризирует» местных торговцев, облагая их данью: чаем, табаком и водкой. А на следующий день уже само население устраивает пир на весь мир, не спрашивая и своего нового начальства.

Ребров приходит в неистовую ярость при виде такого самовольства, но его смягчили приветственные клики и всенародное подношение бокала с вином.

Вместе со всеми колымчанами вышла на пир и бабушка Натаха, где и умирает на руках своего внука.

Ребров не трогает пока купцов и ограничивается одним только наблюдением за ними, чтобы не вывезли товаров и не продали их якутам. Но как только встала река, на купцов вновь был сделан набег, еще более широкий, чем раньше. Забрав товары, двинулись за оленьей к чукчам.

Неприветливо встретили гостей чукчи, но увидев подарки и хлебнув «жидкой» быстро изменили свое отношение. Подружились и малые и большие.

Все товары обменены были на 60 оленей, которых и закололи для отправки на Колыму.

Так прочно укрепилась «макаризация» на Колыме, пока на северный край не стали наступать белые враги.

— Сто-о-ой!...

Отчаянный женский крик огласил долину. Пестряк обернулся, осклаившись, словно усмехнулся. Он не одобрял женских погонщиц, к тому же чужих. Упряжные собаки устали и были непослушны. И Варвара Алексеевна правила сегодня собаками впервые.

Вместо того, чтобы бежать по караванной колее, собаки ни с того ни с сего свернули в сторону, за тенью воображаемого зайца, и теперь неслись очертя голову вниз по косогору. Откуда и прыть взялась. В полном отчаянии Варвара Алексеевна опрокинула нарту на бок и зарылась ногами в глубокий снег, чтоб задержать свою непослушную свору.

— Стойте, черти!

Этот второй окрик относится уж не к собакам, а к каравану, упорно уходившему вперед.

Полковник Авилов, шедший впереди каравана на своих огромных лыжах, свернул в сторону так же круто, как собаки его спутницы. Безостановочно скользая по косогору, он описал огромную дугу и спустился на место крушения.

Строптивные собаки, остановленные на ходу опрокинутой нарткой, в виде отместки перепугались и теперь походили на огромный ком живого собачьего мяса, с задами, обороченными внутрь, и головами, торчащими в разные стороны.

Авилов водворил порядок несколькими крепкими пинками; терпеливо распутал собак, свистнул, и заставил упряжку повернуться обратно на верх, головами к дороге.

— Посадите меня! — капризно сказала Варвара Алексеевна, в изнеможении падая на нарту.

— Да, вы и так сидите, — сказал Авилов, своим спокойным, низким голосом.

— Ботики снимите, в ботики снегу набилось.

Также терпеливо и быстро, как с собаками, Авилов управился с Варварой Алексеевной, снял и вытряхнул ее неуклюжие белые ботики, совсем непригодные для горной езды, свистнул опять и поехал в гору, догоняя караван. Он шел рядом на лыжах и без особого усилия поддавал на ходу нарту вперед вместе с ее живым грузом.

Нарта обогнула караван и вышла вперед на обычное место.

Варвара Алексеевна отдохнула и снова закопошилась. Она подняла свои новые лыжи, лежавшие на нарте, и кое-как приладив к своим валеным ботам ременные петли завязок, встала и пошла на лыжах, подражая своему другу. Но ее непривычные ноги не могли угнаться за размашистым шагом Авилова. Она отстала сперва от передних, а потом от всего каравана, стала торопиться, задела ногу за ногу, и рухнула на бок

и опять ушла в снег, уже головой, не ногами, как раньше.

— Ой!...

Отчаянный женский крик опять огласил окрестность. И снова Авилов явился на выручку, распроткнул, поднял, отряхнул, привел в вертикальную позицию

и опять пустил в ход этот безпкойный и хрупкий женский элемент.

Так Варвара Алексеевна старася сделать опытной северной странницей. Авилов не терял терпения и все время выправлял ее непредвиденный, капризный и безответственный путь.

Варвара Алексеевна была единственная дама, даже единственная женская особа этого странного жествия. Их было сорок человек, восемнадцать оленей, двенадцать лошадей, три быка и двадцать шесть собак.

Полковник Авилов шел впереди, ломая мягкий снег для дороги каравана и превращая его в широкую твердую лыжину. Он был в полном расцвете сил и красоты. На его огромном теле не было ни одной лишней унции жиру, был он как лось в человеческом образе, с крепкими ногами, в пружинах тугих сухожилий. Его меховая рубаха, шерстью наружу, казалась естественной шкурой и только тяжелый наган у пояса прибавлял к звериному еще и человеческое. Стрелял же Авилов без промаха и был на расправу необычайно скор. Выстрелит, как собака укусит, убьет на ходу человека и не поморщится и дальше пойдет. А порою, напротив, захватит человека и держит огромною лапой, рассматривает с холодным интересом словно какую козявку, а убить — не убьет.

О поступках своих и вообще о прошлом Авилов не раздумывал. Прошлое, однако, несло за плечами его как стая мелькающих птиц, догоняло, налетало на плечи и таяло и пропадало.

Прошло пятнадцать лет после амнистии «пятого» года. Авилов опоздал к первой революции и попал, можно сказать, к шапочному разбору. Он сразу угодил в дружину фантастическую, сумасбродную, в полосу удачных и кровавых нападений, с трупами, с деньгами.

Поезд. Трое чужих. Двое своих. Сто тысяч наличными.

Почтовая станция. Трое и трое. Двести тысяч — двойная порция.

Авилов остался одним из последних, подумал две минуты, и махнул через весь материк обратно в Восточную Сибирь. Может быть он думал добраться до Колымска. Но вместо того, застрял на Ленских приисках. Тут он занимался самыми головоломными делами. Был спиртовозом, скупщиком краденого золота и стал за одно подготавливать чудовищную выемку золота

Ленское побоище переставило пешки в игре. И вместо выемки Авилов подготовил нападение на ротмистра Терещенкова. Но сибирские провокаторы были ловчее петербургских. И Авилову снова пришлось убираться долой.

В виде разнообразия он махнул на Кавказ, на нефтяные промысла, нанялся к хозяину, ростовскому греку губастому, черному, — он называл его папуасом, — стал атаманом промысловой охраны и между прочим отбил у соседа три вышки рукой вооруженною. А первого мая Авилов попал на масовку, со знаменем, с оружием и, ко-

Отчаянный женский крик опять огласил окрестность.

нечно, с нападением жандармов. Тут же Авилов из собственного маузера уложил околодочного и опять пришлось ему на этот раз махнуть за границу, чорт знает куда, через всю Европу, через всю Америку, на Аляску, в Ном-Сити и опять заработал по северу и по золотому делу. Тут он проделал карьеру «старателя» по всем рецептам Джека Лондона. Золота, конечно, не нашел, нашел все те же знакомые снега, морозы, езду на собаках, диких мужчин и еще более диких женщин. Сильные руки и плечи выручали Авилова. Он побывал лесорубом в Ванкувере, потом меховщиком на далекой фактории Гудзонова залива. Бабы и девки липли к Авилову, как мухи на мед. Но на этом последнем этапе взорвалась мировая война.

ГЛАВА II.

Авилов приветствовал войну как старую желанную заковую.

— Вот для этой войны я и приехал из Сибири, — сказал он себе. И сразу из Канады устремился обратно в Россию. Но войны, разумеется, Авилов не принял. Ему были отвратительны неожиданный восторг и новорожденный патриотизм вчерашних революционеров. Он сразу стал на пораженческую линию и объявил войну войне по своему, активно. Он был из тех безвестных и темных людей, кто взрывал пороховые погреба, сводил поезда с рельсов, даже снимал одиноких часовых на плохо охраняемых постах.

Вторая революция опьянила Авилова и выбила его из колеи. Она перехлестнула через все его частное буйство, дерзнула через верх его одиночных дерзаний. Тогда впервые он стал искать партию. Попал к анархистам, по прежней памяти, но они показались ему беспредметны и мелки. Их тоже вышибло из колеи. Одно время Авилов работал с левыми эсэрами, участвовал в киевском убийстве генерала Эйхгорна и на улицах Москвы палил из пулемета в пресловутом восстании.

Большевиков Авилов возненавидел сразу, хуже, чем старых царистов. Попытку внести в революцию порядок он принял, как личную обиду. В непрерывных боях и восстаниях он был сперва с зелеными, потом собрал разбойничий отряд, и после стычки с красными перешел к белым, внезапно и почти молниеносно. В этой нелепой войне он нашел свое настоящее призвание. Ездил на тачанках с пулеметом, делал набег в советском тылу не хуже Мамонтова, наступал, отступал, и так доотступался до южного берега Крыма. Эвакуировался с Врангелем, но за границей ему не было места. И он в третий раз махнул в Восточную Сибирь, на этот раз морем. Тут как-то неожиданно он стал белым офицером, начальником отряда, полковником Авиловым, словно выпвел, слинял, старый анархист, буйный Викентий Авилов.

Отряд у Авилова был пестрый до крайности. Были офицеры, Дулебов и Мухин, российские дворяне. Впрочем и Авилов был родом такой же дворянин.

Дулебов был розовый, стройный, в разговоре необычайно вежливый, даже скверными словами ругался неизменно на «вы». Мухин, сухощавый, в пенсне, растерянный, словно спросонья. При них ординарцы из старых солдат. Горбоносый Алым Алымбаев, выдававший себя за черкеса, за князя (князя), уголовный дворянин неизвестно зачем прилепившийся к отряду. В этом ужасном климате он неизменно щеголял в своей нескладной кавказской бурке, раздутой как колокол, как дамский кринолин.

Двое Новгородовых, дядя и племянник, якуты из богатого тойонского¹⁾ рода, бывшие судейские чиновники, ранее усердно насаждавшие в Якутии культуру. Они на революцию обиделись, смертельно обозлились, воевали, убивали, и в конце-концов стали отступать от собственных косяков и дожников.

Варвара Алексеевна Словоцова пристала к отряду в Владивостоке, — не к отряду, к Авилову. Была она смешанного типа: певица, девица. Но вместе с авиловским отрядом она отступала на Охотск и так далее.

Солдаты отряда состояли в большинстве из башкир и чувашей. Их родина была далеко, неизвестно где. Заброшенные в эту пустыню после стольких переходов, они чувствовали себя как будто на том свете и, не зная, куда деваться, слепо шли за своими вожжами и делали страшные дела без мысли, без всякой заботы.

¹⁾ Тойон — господин (Якут.).

Отряд вел Авилова без карты, по компасу, а главное по рекам, как делали старые казаки. Все нарты были загружены чаем, табаком, сахаром, жидкой валютой, ситцем и холстом. Все это скопилось в Охотске и в Оле, в обширных складах местных контор Чурина и К^о. Чуринские приказчики дали товары Авилову, рассчитывая плату получить все той же Колымской пушниной. Таким образом у отступательно-карательной экспедиции был также экономический подход.

Муки было довольно, но характерная подробность: мяса и рыбы для людей и собак захватили совсем недостаточно. Охотское побережье вообще кормами бедно.

Авилов не задумался: — «Достанем по дороге!» — и выступил в поход. Он вспомнил, что пустыня на севере кормит обильно людей и зверей.

ГЛАВА III.

Отряд подвигался вперед. Быстро вечерело, лес давно кончился, но теперь исчезали последние поросли приземистых кустов, открылась безлесная, голая, горная тундра. Снег сыпал целый день, но здесь на нагорьи дунула пурга и завывала. Надо было остановиться на ночлег. Якуты и мешане стали выдирать из под снега скрюченные корни кедровой и ивовой сланки, почти полуподземные, и сносили их в кучу. Авилов вырыл под склоном холма своей огромной лыжей квадратную яму. Привязали голодных собак, оленей отпустили, лошади тоже ушли на поиски подножного корма. Но черные быки стояли понуро и не двигались с места. Их нужно было кормить из запаса, так же, как собак.

Ночевники устроили по всем правилам полярного искусства. Оградили брезентами-чумами с подветренной стороны. И в ногах развели линию костров. Чайники кипели, но тундренное топливо не давало достаточного тепла. Сидеть было холодно. Достали из ящиков остатки дорожных продуктов, сушеную рыбу, сухари. Непривычные рты обжигались одновременно горячим кипятком и мороженым маслом холодным и твердым, как мрамор. Оно прилипало к небу, как железо на морозе, и таяло только политое горячим настоем.

Спать было еще холоднее, чем сидеть. Странники натаскивали на себя всякую мягкую рухлядь, старые палатки, истрепанные шкуры. Огонь прогорел и мерцал на снегу багровою грудой углей. И Михеев, чуваш, вымолил уныло и несмело: — Как будем дойти?

— Я доведу! — сказал Авилов.

Он притащил огромный кошменный мешок, служивший ему для сна. Потом бесстрашно разделся на морозе до-нага и залез в свое ночное обиталище.

— Голодные будем дойти, — сказал вопросительно Михеев.

Авилов протянул из мешка свою голую руку.

— Обоз съедим. Вот этих быков, оленей и собак. В нужде поедает и собак. Обоз — наша пища. — Ну, спать пора, — добавил он сурово.

Якуты и мешане из Олы закапывались в снег, как сурки, лишь бы продержаться до утра, заснуть и во сне не замерзнуть.

Двух быков съели. Тощие были быки, сухие, как падаля. Кишками кормили собак. Кладь разложили по нартам. Оленям и собакам стало еще тяжелее. — Куда идем? — роптали непривычные солдаты. Это путешествие было труднее и страшнее всех прежних.

И Авилов протягивал руку вперед, укрепляя оробевших. «Там Колыма, там вдоволь оленины, рыбы»...

Дорога поднималась безжалостно в гору. Не было ущельев, особенно крутых и обрывистых тропинок. Только вечный ветер дул без усталости. Снег превратился в твердый, как камень, убой, ножом не уколупнуть.

На последнем ночлеге не было топлива. Всю ночь просидели без горячего, в морозных палатках, прижимаясь друг к другу, как куропатки в бурю. К утру взойшли на перевал. На юг и на север открылись волнистые долины. Круглые сопки тянулись одна за другой. Все было бело, пустынно, погребено в снегу. Как будто на всей этой земле не было дерева, не было живого человека или зверя. Ни зверя рысчущего, ни червя ползущего, как сказано в сказке.

Куда итти? Казалось нелепым спуститься в это снежное волнистое море и двинуться на север в холодную и мертвую пустыню.

К вечеру скатились с перевала на спокойную реку Крстову. Здесь нашли широкую дорогу, вытопанную мелко сотнями и тысячами оленьих копыт. Начинались владения чукоч, богатых и сильных, гордых своими большими стадами, стойких в защите, неукротимых в нападении.

Собаки по твердой дороге подхватили в галоп. Сзади бежали трусцой утомленные олени. Их никогда не пускают вперед, чтоб не раздражить без меры и нужды свирепую упряжную свору.

Однако, на сей раз «убивающим» не удалось захватить врасплох чужих стойбищ. Жители вышли на встречу им сами с винтовками в руках. Их американские винчестеры били несколько не хуже российских военных берданок. Они их купили у бродячих чукотских торговцев, выменивая их на песцов, которые уходят в Америку.

Чукотских воинов было человек тридцать. Некоторые надели на себя дедовские панцири, искусно изготовленные из костяных и железных пластинок, связанных и стянутых тугими ремешками. Железные панцири весили более пуда.

— С чем вы? — сказал старый Кека, патриарх и хозяин на стойбище. — С добром или злом?

Авилов молчал. Маленький ласковый Дулебов выдвинулся вперед.

— Мы вам не сделаем зла, — сказал он убедительно.

Кека покачал головой: — Кхо!... Не понимаю!

Первый ламут подошел и перевел. Кека пожал плечами. Его молчаливые жесты были достаточно понятны.

Чукчи с живым любопытством рассматривали ружья с ножом на носу, как у ворона, и длинный пулемет, с железным хоботком, прилаженный на санках.

— На кого вы идете? — спросили чукотские воины.

— На русских речных, — сказал отрывисто Дулебов. — Это враги наши, они царя убили.

Кека покачал головой.

— Солнечного господина убили, — сказал он задумчиво. — Не оттого ли так много дождя и тумана и летнее солнце затмилось... Но, может быть, теперь перестанете детей переводить.

Русского царя чукчи называли пышно: Солнечным Владыкой, но они сложили про него жуткую легенду: будто во дворце его есть под ледяными (т.е. зеркальными) полами глубокая дыра, которую слуги царя затыкают дорогими мехами. Для того и собирают ясаки, подати мехами с юкагиров и чукоч. В той дыре обитает жадный чудовищный дьявол, который питается мехами. А если не хватит лисиц с соболями, надо добавлять вожшебную затычку головами казачьих детей.

Обе стороны молчали и ждали. Воины в панцирях, желая показать удалство, стали делать упражнения. Они подпрыгивали высоко на месте, встряхивая тяжелой железной юбкой, привешанной к панцирю и выпали копытами далеко поверх высокого обводного щита воротника. Двое сошлись и стали фехтовать, копы на копы: спереди, сзади, спереди.

— Кека, суди! — послышался ропот среди оружейных бойцов. С американскими винчестерами нельзя было делать воинских упражнений. Надо было просто стрелять или просто мириться.

— Станьте в соседях, — сказал Кека, подумав, — сегодня мы рассудим.

В чукотской дипломатии имеется несколько словесных оттенков. Слово «соседи» еще не означало ни дружбы, ни гостеприимства. Но оно не означало вражды. Первое сближение означает словом «гости». Второе, более тесное сближение, словом «друзья» и третье, интимное, словами «связанные вместе».

У чукоч на стойбище был большой осенний праздник одежного убоя. Они убивали сотнями молодых черных пыжиков, назначенных на зимние одежды. В это время олени бывают особенно жирные и шерсть на них лоснится. К богатому Кеке съехались соседи со всего околота. Ели жирное мясо и сало, устраивали игры и скачки, бегали взапуски, боролись. Любовные пляски перемежались с торговыми обрядами, с шаманством, с гаданием. Вот отчего на стойбище Кеки собралось довольно молодцов, чтоб встретить худо-убивающих суровой и плотной стеной.

В эту ночь в огромном хозяйском шатре после ужина собралось совещание. По обычаю племени собрались все взрослые мужчины, носители копья и ружья. Молодые имели тоже голос.

— Что скажете, люди? — спросил негромко Кека.

И Чанто, почтенный хозяин соседнего стойбища покачал головой и изрек: — Спокойных не троньте. Сели в соседях, так пусть и сидят.

ГЛАВА IV.

Счастливую неделю провели авиловцы-пришелцы в своем вольном лагере по соседству с чукчами. Лучшего лакомого мяса, было вдоволь. Даже усталые собаки отдохнули и развелись. Олени паслись на моховице, вместе с чукотскими стадами. С утра до вечера шла бойкая торговля. Чукчи привозили готовую одежду, пышную и черную, дорогие меха и продавали их за бесценок. Они вытащили из мешков даже драгоценнейшие товары — патоку в бутылках и конфеты, перекупленные через несколько рук от американских торговцев в Беринговом проливе. Жевательный американский табак встретился с курительным русским. Жгучий корабельный ром с охотским самогоном, вонючим и сногшибательным.

Покинув чукотские стойбища, неделю шел отряд с увала на увал, добираясь до русских селений. Был лес для топлива и мясо для еды. И порою встречались, как вехи, чукотские стойбища и юкагирские жительства. Идти было не трудно и не страшно. И так перебрались каратели с вершины Омолона на воды Колымы.

На восьмой день стали доходить до крайних рыбацких поселков по речке Слизовке, притоку реки Колымы. Наскучив ночлегом в снегу, солдаты мечтали о топленых избах, о бане, о вареной еде и о женщинах, одетых в русские ткани и говорящих на понятном языке, — положим, не особенно понятном для чувашей и башкир.

И словно позабыли солдаты, что идут не в прогулку, а на новую войну, в карательную экспедицию.

Но первая встреча с колымчанами окончилась:

Дымом пожаров,
Пеной крови братней...

Это случилось на заимке Евсеевой, пониже Слизовки. Было на заимке два дома, русский и якутский. Якутам было имя Масаковы, а русским Берестяные.

И неведомо, как и откуда дошла к ним весть: подходят убивающие. Но думали, — может быть, пройдут мимо. Пустыня широка и бездорожна и путников не манит. Однако, жили опасно и сторожко. Высылали разведчиков на охоту и вместе на охрану к юго-восточному краю своего охотничьего околотка. На первую неделю ноября очередь сторожить выпала на русскую семью.

Рано по утру вышел Микша Берестяный, еще один Микша Берестяный, не тот, наш знакомец из Среднего, а его дву-родный братан, впрочем, лицом и повадкой похожий на колымского максола.

На лыжах и с кремневым ружьем отправился второй Берестяный вдоль берега на поиски за белками, а если попадется олень или целый сохатый — так еще того лучше. Перебираясь через сопки и замерзшие ручьи, он забрался верст за десять от родного поселка и вдруг как-то ощутил, не слухом, а телом и фибрами нервов: подходят враги. Спрятался за елью, мохнатой и огромной, и ждал в молчании.

И вот в приречном редколесьи показался все тот же баснословный уродливый поезд: лошади, олени, собаки, солдаты, офицеры, якуты. Микша глядел на них с остолбенением. Таких людей и таких упряжек он никогда не видал на своем коротком веку. И, привлекаемый непреодолимым любопытством, он стал пробираться поближе, перебегая от дерева к дереву, как легкая лисица. Солдаты не останавливались и шли вперед, угрожая отрезать его навсегда от родного поселка. И тогда не выдержал Микша и пальнул из кремневки почти машинально и снял одного, не офицера, не вождя, а просто рядового чувашина, с самого края: — все-таки одним меньше.

Забил другой заряд и снял другого, тоже не великого зверя, Мухинского денщика. Он щеголял в португальской шапке с кокардой и заплатил головой за свое щегольство. Откуда было знать речному стрелку, какие бывают денщики и какие поручики.

От дерева к дереву, прячась, мелькая, как быстрая тень, назад уносился Берестяный Микша. Но солдаты уже спохватились и мчались в погоню, рассыпавшись веером по лесу. Лес был редкий, каменный череп прибрежной горы имел мало порослей и прятаться было трудно. Младший Новгородов скользил впереди, тоже от дерева к дереву, весь отдаваясь веселой охоте за живым человеком. Михеев и Карпаты неслись не отставая. А справа огромный Авиллов ломил через лес, словно мамонт, не разбирая дороги и совсем не опасаясь неприятельских пуль или стрел.

Берестяный почувствовал, что они его догонят. Он снял свои лыжи почти на ходу, забросил их за спину и смело начал спускаться на реку по крутому обрыву горы. Цепляясь за камни и за корни, он быстро соскользнул прямо на лед под обрывом. Посредине реки змеилась накатанная полозница, обычная зимняя дорога приречных поселков. Но Микша не вышел на дорогу. Он двинулся вдоль берега назад, укрываясь под скалами, обогнул выдающийся в реку Шершавый Бык и вышел на новое плесо реки. Извилистая Колыма тут отворачивала вниз почти под прямым углом. Запутав следы, Микша смело выскочил на гладкую дорогу и помчался впереди на своих скользких лыжах, пожирающих пространство.

Охотники по человеку спустились на реку повыше беглеца и сразу не нашли его следов. Отдаваясь направлению охоты, они двинулись вверх по реке, тоже вдоль самого берега. Но якут Новгородов посмотрел по реке вверх и вниз, прикинул изгибы реки и положение Шершавого Быка и понял, в чем дело.

— Непременно он за плесом! — крикнул якут и выгнулся на лыжах по дороге. Трое других помчались вдо-

гонку за передовым. За мысом по дороге летела живая добыча, быстро уменьшаясь и съезжаясь в мерцающем пространстве. Она была уже вне выстрела, но спрятаться ей было негде. Плесо Колымы от Шершавого Быка так и называется. Длинным. Оно простирается верст на пятнадцать и следующий нижний отворот у Зеленого Камня чуть брезжит впереди.

Началась лыжная погоня. Карпаты и Мухин немного подержались с передними, но после отстали. Зато сзади выкатились на реку еще несколько фигур. Там были ольские мещане и солдаты из Сибири, тоже умевшие бегать на лыжах.

Новгородов и Авиллов мчались рядом. Новгородов внутри полозницы, по накатанной дороге. Тут было узко и можно было скоснуться на раскате. Раскатами зовутся на севере ухабы полозниц. Но зато было легче скользить по гладкому, лоснящемуся снегу.

Авиллов шел рядом по гладкой целине. Снег садился под его лыжами, но он не отставал. За минувшие недели он воротил все полярные навыки и неистовый дикарь, живший всегда в его мрачной душе, снова как будто оброс меховыми одеждами и вместо российских колесных дорог и кавказских хребтов воротил своим подопшам живое ощущение мягких колымских снегов.

Прошло минут десять. Фигура впереди перестала уменьшаться, но ничуть не росла. Они не упустили и еще не нагоняли беглеца. Тогда рассердился Авиллов. Даже в глазах у него потемнело, потом вспыхнуло красное жаждой убийства. Он сдернул винтовку с плеча, выстрелил, не целясь. Пуля улетела куда-то далеко, но не только не попала, а даже не догнала беглеца. Авиллов закричал зубами и дернул лыжами, словно тоже скрипнул, и вынесся вперед за Новгородова.

— Стой, стой! — кричал пораженный якут.

Он не ожидал, что этот русский облом обгонит его, коренного лыжехода с Алдана реки, на первом перебеге. Но остановить Авиллова было также невозможно, как удержать паровоз, когда в половине дороги он начинает надавать ходу.

Шш! — лыжи шипели и убегающая фигура теперь выросла и словно приближалась. Полковник Авиллов, наконец, догнав беглеца. Время от времени он срывал ружье с плеча и стрелял, попрежнему не целясь, да и невозможно целиться на таком быстром бегу. Но он хотел напугать беглеца. А, кроме того, какая-нибудь шальная пуля могла как-нибудь все же попасть. Новгородов отстал безнадежно. Уже было так, что и сзади Авиллова чернела такая же узкая полоска человека, как и впереди. Другие солдаты были, как уколы на белом пскрове реки.

При последнем выстреле Авиллова беглец, наконец, повернулся, стал лыжами круто поперек своего собственного следа, снял с плеча малопульку и выстрелил в Авиллова. Неожиданный этого Авиллов тоже свернул поперек и чуть не опрокинулся. При меткости колымских стерлков, он мог бы почитать себя убитым. Но выстрела не было. Застреливши Авиллова, беглец ушел невозбранно. Другие бы его не догнали. Но кремневка не хотела стрелять.

Быстро, как молния, у Авиллова мелькнуло в уме: в капсуле засечка, не прочистишь, так не выстрелишь. Кремневые ружья после двух-трех выстрелов нередко угощают охотника такими сюрпризами. На охоте капсуль прочищают особым шилом. Но Микша ведь был не охотник, а добыча. И у него не было времени.

— Живого возьму! — торжествуя подумал Авиллов.

— Иго-го-го! — заржал он, как веселый жеребец, и не стал беспокоить винтовку. Прямо в упор он помчался на затравленного зверя, как огромный военный снаряд. Берестяный не стал убежать. Он вынул из-за

пояса рожок и подсыпал на полку блестящего крупного пороха. Порох этот был американский. Его доставали тоже с Берингова пролива. Поречане говорили, что этот американский порох совсем не годится для их уzkоствольных кремневок.

Еще раз выстрелил Берестяный, чуть не в грудь полковнику, страшному воину в далекой Руси. Вспыхнуло пламя на полке, шикнуло и стасло. Кремневка стрелять не хотела. Авилов уже набегал. Он показался Берестяному высоким, как сосна, широким, как изба. Он уже заслонял от его глаз ясное солнце и весь белый свет.

Берестяный брякнул об землю своим бесполезным ружьем, оборвал свои лыжи и вскочил на дорогу свободными ногами и, вдруг завизжав, как лисица, бро-

Формально он был не прав. Первую русскую кровь на реке Колыме пролили именно его собственные меткие пучки. Теперь пришел черед пролиться и его крови.

Поровнялся Новгородов. Свернул с полозницы, проехал вплотную мимо Авилова с пленником и, выдернув нож из-за пояса, ударил Микшу под ребро, также хладнокровно и точно, как убивают оленей. Микша подскочил и повис, как тряпка, у Авилова в руке. Удар был нанесен прямо в сердце.

— Сволочь, зачем? — крикнул Авилов, вне себя от изумления и гнева.

— Они сволочи! — цыкнул Новгородов ядовитым голосом. — Надо их душить до последнего, сукиных гадов таких.

Выд: рнув нож из-за пояса, ударил Микшу под ребро.

сился навстречу врагу. Он даже не выдернул из-за пояса древнейшего оружия — ножа. С голыми руками, как был, по звериному, он бросился на огромного противника, схватил его когтями за шею и зарылся в плечо разгоряченным лицом, стараясь запустить свои острые зубы сквозь мокрую одежду в живое и тугое человеческое мясо.

Авилов отодрал его от груди, как щенка или кошку, и поставил пред собой на расстоянии руки.

— Чей ты, — спросил он сурово, — и где ваша заимка?

Микша раскрыл рот и завизжал. И в голосе его не было человеческих слов. Он трепетал и изгибался в крепкой руке Авилова, как лисенок, закушенный собакой.

— Бей, не боюсь! — закричал он, наконец. — Русскую кровь проливаете, мать вашу так, вашу так!

— Гадина ты! — сказал с отвращением Авилов.

— Меня самого полоснул на Алдане такой же полуродок! — объяснил Новгородов. — Квиты теперь. Я, видно, лучше пластаю. Волк однажды хватает, да метко берет.

Авилов пожал плечами.

— Хотя бы расспросили, где их заимка проклятая. Новгородов презрительно хмыкнул.

— Сами найдем. Теперь на следу. Дорога-то вон... Да, ты и сам, чай, знаешь.

Авилов даже вздрогнул, словно толкнули его. Он, действительно, узнавал знакомые места. Вот там был Евсеевский остров, Отцова Тоня. На этой тоне они неводили лет двадцать назад, в первый год его политической ссылки.

(Продолжение следует).

„ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ“.

Рассказ Ч. ГРАНТА. (История одного темного дела).

Теперь в английской армии существует только один Вест-Индский полк. Раньше их было несколько. Полки эти состояли целиком из негров. Только офицерский состав и несколько старших унтер-офицеров были европейцы. Службу несли они исключительно на Вест-Индских островах и западном берегу Африки.

Комплектование их происходило не совсем обычно. Английским военным крейсерам иногда удавалось захватывать в море суда с невольниками и тогда неграм предлагали на выбор — возвращение на родину или поступление на службу в черные полки. Большинство охотно соглашалось на второе. И так как выбор был большой, то физические требования, предъявляемые к рекрутам, ставились чрезвычайно высокие. В результате человеческий материал этих полков был замечателен по росту, силе и сложению.

Белые унтер-офицеры были обыкновенно добровольцами из линейных полков, привлекаемые повышенным содержанием и пенсией. Офицеры считались на одинаковом положении с офицерами полков его величества.

Однако, эта служба имела и свои большие неудобства: отдаленность гарнизонов от метрополии, жаркий и вредный климат, невозможность во многих стоянках заниматься столь любимым англичанами спортом. Поэтому правительство старалось привлечь охотников различными льготами — сокращенным сроком пенсий, ускоренным производством и другими преимуществами службы на окраинах.

Впрочем люди неразборчивые и с крепким здоровьем охотно шли в эти полки, где имелась возможность быстро продвигаться по службе, а к тому же еще климат часто заботился об ускорении производства по полку, сводя в могилу старших чинов.

В то время за чины в Англии платили деньги. И поэтому не считалось зазорным, если офицеры черных полков, меняясь со своими европейскими заместителями, получали кругленькую сумму денег. Поэтому, в черные полки чаще переходили каторжники, растратчики и люди, запутавшиеся в долгах.

Нечто подобное лет сто тому назад приключилось с поручиком 25 Легкого полка Юстесом Бэнксом, который не только был много должен, но и способ, придуманный им для оздоровления своих финансов, не пользовался одобрением полковника и товарищей по полку. Ему стали даже намекать на то, что дальнейшее пребывание его в их среде для всех нежелательно. Положение становилось серьезным — своих средств не было, а карточная игра, участие в бегах и скачках, были только его единственными занятиями. Дело шло к «Черному Полку» и он скоро нашел желающего поменяться с ним, взяв за это изрядную сумму со своего заместителя, который к этому времени неожиданно получил большое наследство и охотно заплатил за возможность перебраться из скучного тропического гарнизона в «добрую, старую Англию».

С большими деньгами, из которых кредиторы доблестного поручика не увидели ни полушки, Бэнкс, к великому удовольствию своего командира и однополчан, отплыл в Ямайку и начал там новую жизнь в стране, которая его не знала, получив в командование роту Гренадерского полка войск Вест-Индии, самую лучшую из всех на острове Сент-Киттс.

Так прошел год. Бэнкс чудным апрельским вечером сидел на веранде офицерского собрания в удобном плетеном кресле и ругался неистово; в этом своем любимом занятии он не имел достойных соперников. На столе около него стоял стакан «Сан-гари» — смесь рома, сахара, воды и пряностей.

Бэнкс был стройный, высокий человек, лет под тридцать. Черные волосы и правильные черты. При желании его можно было бы назвать красивым, если бы не какое-то неприятное выражение в лице. По тогдашнему обычаю пехотных офицеров, он был начисто выбрит. Тонкие, крепко сжатые губы, с опущенными углами и твердый подбородок выдавали решительность, упрямство и жестокость.

Поручик был в скверном расположении духа. Причиной тому была смерть его унтер-офицера от желтой лихорадки. Не потому, конечно, что ему было его жалко, он никогда никого не жалел, а потому, что со смертью единственного белого помощника на него навалилась лишняя работа в роту.

Тем более, что другой офицер роты находился в продолжительном отпуску в Европе и ему приходилось вести за него все отчеты и списки.

Но мало этого: на столе перед ним лежало несколько писем с самыми невеселыми новостями. В одном сообщается о проигрыше на скачках лошади, на которую он поставил все свое состояние; в другом сообщалось о протестованном векселе. Наконец, третье письмо уведомляло о немедленном переводе роты в Кингстон на Ямайке. В предписании предлагалось передать здания и склады гражданским властям, не ожидая прибытия сменной роты, и поступить в распоряжение командира фрегата, находящегося в данный момент в Сент-Киттс, чтобы отправиться на Ямайку.

Собственно говоря, последнее было не худо. Поручику спротивел Сент-Киттс, где он во-

дился только с несколькими испанскими плантаторами, разделявшими с ним любовь к рому, да с чиновниками из гражданского управления, которые даже и рома пить не умели. А тут еще на Ямайке, по имеющимся у него сведениям, должны скоро начаться скачки, на которых он может поправить свои пошатнувшиеся денежные дела.

Как всякий человек, умеющий выходить из положений, Бэнкс улыбнулся, прочитав неприятные для себя письма. Оглянулся. Выпил свой ром. Пейзаж, окружающий его, должен был произвести на него успокаивающее впечатление. Офицерское собрание, на веранде которого он сидел, помещалось высоко на горе, заросшей изумительными деревьями. Внизу под ним открывался редкий вид на лазурные воды залива. Но поручик Бэнкс, к сожалению, признавал только один зеленый цвет — зеленое сукно карточного стола, поэтому он зло сплюнул, когда увидел какой-то цветок около себя, и крепко выругался.

За этим приятным времяпрепровождением британского офицера застал его заместитель фельдфебеля роты, капрал Венус, гигант-негр, с отличной выправкой. Козырнул. Передал пакет. Лихо повернулся и вышел.

Поручик молча взял пакет и вскрыл его. Там значилось: «Командир фрегата «Виктория», которому поручено перевезти роту в Кингстон, по разным обстоятельствам не может этого выполнить, почему, с согласия губернатора, им зафрахтовано для этой цели американское торговое

Черные гиганты замаршировали к пристани.

судно «Мэри Нель», на котором ему, поручику Бэнкс, и надлежит отправиться с вверенной ему ротой в Кингстон...

— Эй, кто принес это письмо? — крикнул раздосадованный поручик.

— Вроде, как будто я, господин поручик! — произнес густой мужской голос, и на веранду поднялся развалистой походкой неизвестный рослый янки. На вид ему было лет пятьдесят. Загорелый и обветренный. С острыми, пронизывающими серыми глазами, спрятанными в дуге густых, нависших бровей. Бритое лицо его, в довершение всего, украшалось типичной американской козлиной бородкой.

Поручик Бэнкс сразу понял, кто перед ним. Несомненно это был капитан зафрахтованного для него судна и, поэтому, он решил быть, как можно любезнее.

— Очень рад вас видеть, сэр, вы, вероятно, капитан «Мэри Нель»?

— Вы угадали, полковник. «Мэри Нель» моя посудина, а я ее властелин. Разрешите представиться: Остин Браун, весь готовый к вашим услугам.

Хитрый янки отлично понимал, что с начальником эшелона, который ему предстоит переправлять, нужно быть особенно почтительным. Мало ли что может случиться на переходе. Словом, два достойных представителя родственных англо-саксонцев через минуту сидели объединенные бутылкой рома за одним столом.

— Прошу вас, капитан, сначала выпейте со мной один маленький стаканчик, а потом поговорим.

Капитан Браун оказался интересным собеседником, как всякий, много плававший моряк, а особенно после того, как стаканы рома быстро сменялись один другим. Скоро беседа их, при посредстве этого же самого рома, с прибавлением некоторых еще напитков, приобрела почти дружеский характер.

Они сидели на веранде и жаловались друг другу на тугие денежные дела. Поручик говорил, что без этих жалких фунтов стерлингов он считает свое дальнейшее существование глупым и ненужным, а капитан плакался на низкие фрахты, плохую команду, смерть помощника и рисовал картину своей нищей старости. При чем он так затайливо и виртуозно ругался, что вызвал не только некоторую зависть, но и полное восхищение своего богато одаренного в этом отношении хозяина.

Было уже поздно, когда два новых приятеля расстались, досадливо стряхивая с себя сумеречных светляков. Посадка была решена на следующий день, а отплытие немедленно, в зависимости от погоды и ветра.

На другой день, рано утром, гренадерская рота Вест-Индского полка была выстроена на большом плацу маленького колониального городка.

Белая известковая пыль, душившая все живое, от которой даже пальмы казались чахлыми, была ни по чем людям, которым изрядно надоел маленький Сент-Киттс, откуда они уходили с радостью и детским волнением, предвкушая шум и шум столицы колонии. Под пение серебряного сигнального рожка построились черные гиганты в шеренги, блистая богатой формой.

Негры, как дети, любят яркие цвета. Поэтому не спрашивая придуманы для них мундиры, привлекавшие их больше, чем предлагаемая свобода. На солдатах были красные, расшитые желтыми шнурами куртки, широкие синие шальвары и белые тюрбаны с алдой кистью. Одежда сержантов была еще богаче. Что же касается туземных офицеров, то тут, казалось, истощилась вся фантазия военных портных и кабинетных изобретателей. Наоборот, форма европейских офицеров была самой обыкновенной формой английской линейной пехоты. Объясняли это местные гарнизонные остряки тем, что фантазия вышеуказанных художников вся истощилась на изобретение формы черных сержантов.

Построенная на плацу рота четко проделала ружейные приемы, и черные гиганты, под звуки флейт и барабанов, вздвоенными рядами замаршировали к пристани.

У моря уже собралась большая толпа местного цветного населения проводить отъезжающих или поглазеть на проводы. Многие негритянки и мулатки, провожавшие своих дружков, плакали, прощаясь с ними. Плакала и прачка поручика, но по другой причине: он забыл заплатить ей за стирку белья.

Солдат сопровождали, по обычаю английских войск, жены и дети. В гренадерской роте их было немного — всего восемь женщин и одиннадцать детей. Между ними выделялась особой миловидностью молодая жена гиганта-капрала Венуса, креолка Тагаула, прощавшаяся со своими родителями.

С погрузкой вещей справились быстро. Оставались только дюжие молодцы, чувствовавшие себя героями дня, но их лихо спровадили на шлюпках на борт нарядной, заставшей на синем рейде, «Мэри Нель» под слезы, смех и плач провожающих.

Через каких-нибудь три часа только жемчужно-сиреневая полоска на горизонте, с едва уловимыми очертаниями удалявшегося берега, показывала, где остался дремотный и скучный Сент-Киттс...

В первый день все шло отлично. Свежий ветер, играя белыми парусами, уносил черную роту на желанную Ямайку. Но на второй день все переменялось: мертвый штиль и густой, непроницаемый туман заставили «Мэри Нель» стать, как вкопанной, в безмолвной тишине океана, с обвисшими парусами, среди великой пустыни.

Все были спокойны. Им некуда было торопиться. Волновался только поручик Бэнкс. Он впал в мрачное уныние, сменявшее первые бодрые впечатления, когда стал под звук корабельной рынды¹⁾ раздумывать над своей судьбой. Перед ним ясно рисовался конец карьеры и позорное увольнение со службы. В самом скверном настроении он сидел на верхней палубе и о чем-то упорно думал, смотря в одну точку.

В это время к нему подошел капитан и уселся рядом. А через минуту ловкий юнга поставил около них столик, сигары и бутылку крепкой виски.

Несколько времени капитан хранил молчание.

— Слушайте, полковник, что вы так мрачны? Может быть этот штиль вас изводит. Тогда не беспокойтесь — он в это время года случаен. Скоро задует.

— К чорту ваш штиль! — проворчал поручик.

Капитан ухмыльнулся.

— Не в духах, полковник! Могу понять ваше настроение. Эта самая карманная лихорадка и у меня бывает. Знаю, как это выглядит. А все-таки, я, кажется, лекарство знаю и попробую вам достать.

— Болтаете, капитан! Каким образом?

— Ну, пока, наверное, не знаю, полковник, а кто захочет, всегда попробует. Я то пробуюсь. Как вы, не знаю?

Длинная пауза. Поручик хитро улыбается. Подходит дежурный по эшелону с очередным докладом. Лихо откозыривает и по всем правилам поворачивается и уходит.

— Лихой парень! — сказал Браун. — Будь я трижды проклят, если когда-нибудь еще видал такую здоровенную пачку негроупов.

— А, к чорту! Будь они прокляты, черные собаки. Не люблю я их!

— Совершенно верно! — добродушно поддакнул Браун. — Эти черномазые, в общем, дрянь, верьте слову. Может быть вам больше нравилось бы возиться с белой солдатней.

— Я провел десять лет до этого в самом лучшем полку его величества, капитан! — презрительно бросил Бэнкс.

— О, дева непорочная, зачем же вы тогда связались с этими вонючими негроупами?

— Тип, с которым я поменялся, дал мне хорошие деньги, и только. А белые или черные солдаты, наплевать! Не все ли равно играть белыми или черными пешками. Лучше те, которыми выигрываешь.

Браун согласился: «Хорошо сказано — белые или черные пешки» — повторил он вполголоса.

— Мне, признаться, капитан, надоела вся эта солдатчина, — продолжал Бэнкс.

— Так, значит, вам хочется вернуться в Англию. Верно ли я вас понимаю, полковник?

— К чорту Англию. Сволочь Англия!

Браун хлопнул себя по колену.

— Вижу, что вас грызет, полковник. Знаю, есть страны не хуже, а может быть, и немного получше Англии.

— Все страны одинаковы, если денег нет! — проворчал сердито Бэнкс.

— Слушайте-ка, а попробуйте пожить у нас в штатах, а...

— Что я там буду у вас делать без гроша в кармане? Чертам банты на хвостах завязывать? — резко ответил Бэнкс.

— Бросьте глупости говорить, полковник! Доллары будете делать. Такой деловой парень, как вы, скоро сколотит себе деньги. Бьюсь об заклад.

В это время подошел другой огромный негр, сделал служебный доклад и отошел.

— Ну, не красота ли парень? — восхищенно сказал Браун.

¹⁾ Колокол.

— А ну ее к чорту, эту красоту. Что с ней делать, с падалью этой?

— С этаким-то медведем, полковник. Да у нас за такого негритоса на плантации меньше, чем две тысячи, не дадут.

Видя, что бутылка с виски опустела, капитанский вестовой принес еще одну.

— Кажется, вам не очень-то хочется на Ямайку. Верно я говорю, полковник, или нет... — воротился капитан к прежнему предмету беседы.

— К черту в пузо мне хочется, вот куда, капитан, или пулю в лоб! Какие могут быть разговоры, если я разорен, а впереди суд, разжалование и позор!

Поручик промолчал, готом зло прошипел:

— Хотя бы эта ваша старая подкроватная посуда потонула сегодняшней ночью.

Капитан тихо свистнул. Встал и прошелся по палубе, заложив руки в карманы:

— Мне не хочется что-то тонуть сегодня ночью. Да и вы раздумаете. Так будет умнее.

Он постоял и оглядел горизонт, очистившийся от тумана.

— Там сьюда идет ветер. Он должен нам что-то принести. Не хотите ли, полковник, держать курс вместо Ямайки на Новый Орлеан.

— Держите, куда хотите. Хотя дьяволице в самое запретное место. Мне все равно, лишь бы уйти отсюда, — произнес Бэнкс с горечью.

Браун пристально посмотрел на него.

— Выпьем еще по единой! — сказал он коротко.

Юнга принес теперь рома вместо виски. Капитан придвинул поближе свой походный стул, сгладившись кругом, тихонько начал что-то шептать на ухо поручику Бэнксу.

В это время наступила звездная ночь. Негры что-то пели свое тоскливо-заунывное. Бэнкс приказал им замолчать, чтобы не мешали разговору. Рассвет застал капитана и поручика еще на палубе.

Через пять дней после ночной беседы капитан Браун пробрался тихонько в каюту Бэнкса и осторожно разбудил его.

— Пора вставать, полковник. Два часа ночи. Мы в Миссисипи. Берег в виду и надо переделать массу дел.

Бэнкс быстро вскочил.

— Как можно тише! — продолжал Браун, зажигая лампу, в то время, как Бэнкс одевался.

— Слушайте, — сказал Браун. — Я сейчас съеду на берег на вельботе распорядиться, чтобы довезти людей. Баржи сейчас же придут. Пять штук будет довольно. Пусть только ваши люди оденутся в простые нижние куртки,

т.е. попросту останутся в белье. За этим надо будет присмотреть. Не забудьте лишь сказать, что форменная одежда, оружие и багаж пойдут во вторую очередь. А всю свою команду я тоже свезу на берег. Поняли?

Бэнкс кивнул утвердительно.

— Подженщин и детей будет отдельная шлюпка. Они пойдут последними. Постойте-ка, сколько их. Восемь баб и, кажется, одиннадцать чертенят сопливых.

— Вы хотели сказать, сэр, семь женщин! — холодно отчеканил Бэнкс.

Браун сначала вынул глаза, затем свистнул, выразив взглядом нечто близкое к в.с.хищению.

— Значит, мадам Венус не едет.

Бэнкс молча кивнул головой.

— Ну, так вот, полковник, теперь не зевать. Я живо обернусь. Дело только за вами. Надо, чтобы вы были готовы к ср. ку. Мне нужно два часа. Выждите: когда я свистну два раза, следовательно, все сделано и можно их сажать на баржи. Только условимся — как можно острее.

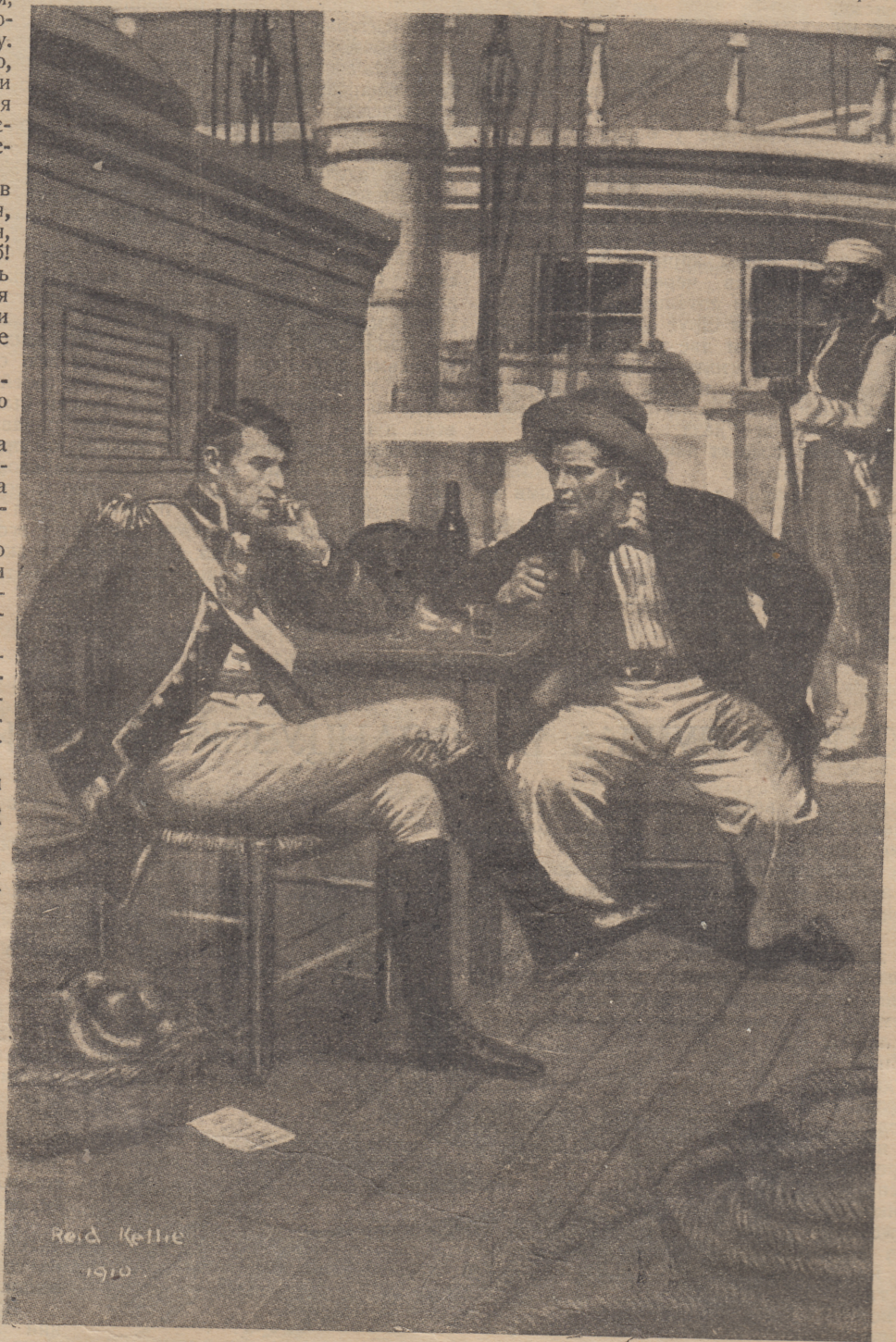
— Сэр, дисциплина войск его величества вполне надежна! — Бэнкс ухмыльнулся. Достойный капитан ответил ему сочувственным подмигиванием.

Волнуясь, поручик поднялся на палубу, оперся на фальшборт и жадно стал вдыхать свежий ночной воздух.

Парусник лежал в дрейфе. Ночь была так темна, что непривычный глаз ничего не мог разобрать. Слышно было, как на воду тяжело плюхнулись спущенные вельботы и баркас. Потом раздался голос капитана, приказывающий всей команде садиться. И последнее, что видел поручик, это фосфорисцирующий след взбиваемой веслами воды двух удаляющихся в темноту шлюпок.

Пока отсутствовал капитан, время для Бэнкса тянулось бесконечно. Он ходил, сидел, снова ходил.

Вдруг, прямо по носу, ночную тишь прорезали два резких свистка. Бэнкс быстро подошел к фор-трюму, раз-

— Мне не хочется что-то тонуть сегодня ночью.

будил дежурного сержанта, приказав немедленно выстроить людей в рабочем платье, а вещи и оружие сложить отдельно у фитиля.

Пока выполнялось распоряжение заспанными людьми, капитан Браун по штурм-трапу поднялся на палубу. В темноте он увидел длинную шеренгу выравнивающихся по правофланговому великолепных черных солдат.

Бэнкс подошел к нему.

— Можно, капитан?

— Да.

— Сми-р-р-но... По порядку номеров рассчитать. По двадцать человек на баржу садись... — скомандовал Бэнкс.

Черная колонна застыла, как вкопанная, а пять больших, плоскодонных барж стояли уже у борта и ждали. По отдельной команде унтер-офицеров раздался топот босых ног гигантов, которые быстро заполнили шлюпки, отвалили от борта и скрылись в предрабачной мгле. А за ними через некоторое время последовала шестая с семью женщинами и детьми...

Было уже около полудня, когда капитан Браун вернулся на свой бриг. Перескочив через поручень, он нервно схватил поручика за руку и потащил его в каюту.

Несколько минут они смотрели друг другу в глаза. Вдруг Браун выхватил из-за пазухи две толстых пачки и с треском хлопнул их о картонный стол.

— Ну, поручик, одна твоя, а другая моя. Верно? Посчитайте, а я тем временем приготовлю грог. Нам необходимо подкрепиться после такого дела.

Бэнкс дрожащими руками вскрыл пачки и начал считать. Оба свертка были одинаковы.

В это время вошел Браун с двумя стаканами и чайником.

— Ну, что, полковник, повезло? А ведь хлопок только что начал повышаться в цене, чорт дери вашу и мою мамашу. Лучшего времени не придумать.

Поднял стакан и залпом выпил свой грог.

— Будь я трижды проклят! Все сошло, как по маслу. Эти чернокожие черти думали, что они в Кингстоне, а не в Новом Орлеане, даже один парень удивился, почему его дряхлая мамаша не встречает его. Хорош гусь!

Бэнкс сидел, как пришибленный.

— Ну, полковник, что нюни распустили! Жалко? А кто говорил, что неважно, какими пешками играть — черными или белыми, лишь бы выиграть? Ну вот что, довольно сентиментальничать! Я привез новую команду и мы через час снимаемся и идем в Бостон, а там начинайте новую жизнь, как американский гражданин. 100.000 долларов — это не кот наплакал. А в Англию после этого, я думаю, вам не захочется. Так ли я говорю?

Поручик Бэнкс ничего не отвечал. Он все еще не мог разобраться в своих переживаниях. Ведь он все-таки одним ударом сделал себе состояние, продав гренадерскую роту Вест-Индского его величества полка в рабство на хлопчатые плантации в Америку, на которой дал еще заработать капитану 100.000 долларов.

Поручик Бэнкс, ныне гражданин Северо-Американских Соединенных Штатов, тоже Бэнкс, благополучно добрался со своим неожиданным другом до Бостона, устроился там, женился и потомки его живы до сих пор.

Капитан же Браун удачно поместил свою долю в весьма выгодное предприятие и всю остальную свою жизнь только благоденствовал. По своей натуре он никогда не смеялся, но однажды должен был сделать это от всей души. Читая как-то случайно попавшуюся ему старую газету из Кингстона на Ямайке, он прочел следующее:

...«Шхуно-бриг «Мэри Нель», перевозившая гренадер, видимо погибла от урагана, а с нею и доблестный командир роты его величества, поручик Остин Бэнкс. Особенно о его безвременной смерти сожалеют его однополчане и все, кто его близко знал. Рыцарский характер этого исключительно честного офицера отличался всегда холодным мужеством, редкой находчивостью»...

ПЕХОТНАЯ ПУШКА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ

Опыт империалистической войны показал, что штурмующие пехотные части не всегда имеют в своем распоряжении артиллерию, способную быстро открыть огонь по целям, которые обнаруживают свою боеспособность в момент пехотной атаки и вызывают, вследствие своей губительного действия, остановку наступления и тяжелые потери.

Чтобы пехота не зависела всецело от артиллерии, двигающейся вслед за штурмующими частями, во французской армии пехоте приданы т. н. «пехотные орудия», транспортируемые как и пулеметы т. е. пока возможно на тележках, а дальше на спинах людей.

Особенно важно наличие пехотных орудий при набегах неприятельских бронечастей. Правда, в современном вооружении пехоты предвидится применение специальных противотанковых бронебойных ружей крупного калибра в 15—20 миллиметров, но тем не менее, если таких ружей случайно нет или их мало, пехотные орудия с успехом могут применяться и против бронечастей. Обстреляв их беглым огнем, можно рассчитывать на прямое попадание в механизм, которое танк остановит, в то время, как танки не могут быть очень опасны пехотному орудью, гаубичного типа, стреляющему с закрытой позиции.

Большую роль могут сыграть пехотные орудия в первые часы за продвижением и занятием неприятельской позиции, когда собственные бронечасты, помогавшие атаке, будут

отведены назад, а оставшаяся от пехотных частей артиллерия меняет свои позиции и не в состоянии прикрыть снежной завесой свои первые линии. В эти моменты пехота чувствует себя мало поддержанной от контр-атаки, тем более, что местность потерянную противником, он знает лучше, чем только что захватившая ее сторона.

В каждом пехотном полку французской армии имеется 3 взвода пехотных орудий, образец которых мы видим на рисунке; орудие представляет собой нарезную разборную 75 мм гаубицу, с ком-

прессором накатником, каждая часть которой легко и удобно переносится одним человеком. Она быстро разбирается и собирается и может вместе со снарядами перевозиться на тележке одним человеком.

В боевом положении лафет треугольной формы лежит

на земле, укрепленный сошниками. Угол горизонтального обстрела равен 40°, а вертикального от 0 до 70°. Наибольшая дальность стрельбы 1800 метров. Граната такого орудия весит от 3 кг, а разрывной заряд 0,73 кг. Снаряд вкладывается через дуло, а заряды через казенную часть. Для получения траекторий различной крутизны имеется несколько зарядов; все они помещаются в металлическом ящике.

СЛУЧАЙ В ВДГОТЕ

Рассказ Евгения Юкова.

I.

Поезд шел ровно, рассекая железной грудью паровоза мчавшийся навстречу бешеный ветер. Двумя ровными, как натянутая струна, нитями уходили вдаль рельсы, огибая холмы и овраги, разрезая поляны и леса. Рельсы блестели сталью и, несмотря на сумерки, сверкали каплями недавно прошедшего дождя.

У сторожевой будки, заброшенной где-то далеко от станции, выходила с зеленым флажком женщина. Она деловито покрикивала на своего сынишку и, привычно подняв флажок, указывала свободный путь.

Мимо женщины пролетел паровоз, а за ним мелькнули багажный вагон и тускло освещенные окна пассажирских купэ. И только последний вагон был непривычно приметен. В нем были освещены всего лишь четыре окна, крепко скованных железными решетками.

В этом вагоне было тихо. У первых двух окон сидели три жандарма. Они ожесточенно курили и тихо разговаривали между собой. Во втором отделении сидели, один против другого, два человека. На них была серая тюремная одежда; а на лицах застыли складки озабоченности и беспокойства.

Высокий, с тонким лицом, но широкоплечий — Андрей Разимов тянул дым из махорочной папиросы, слушая рассказ соседа.

Маленький крепыш, с широким скуластым лицом и хитрыми узенькими глазками, по прозвищу «граф», рассказывал о своем последнем «деле». Дело было «мокрое». Оно — закончилось убийством прислуги, неожиданно появившейся во время грабежа.

Андрей слушал невнимательно, так как мысль о случившемся провале, на нелегальном собрании не давала ему покоя.

— Как, как? — переспрашивал он иногда соседа.

— Собака, говорю, эта подлая, подвела меня в конце-концов.

И сосед вытирал пот на лице, доставая из кармана грязный, замызганный красный платок, которым он когда-то франтил перед одесскими девицами.

Так сидели вместе в одном купэ два преступника — политический и уголовный. Их перевозили с далекого юга в Петербург, в специальном арестантском вагоне. За ними неусыпно наблюдали те три жандарма, что сидели в соседнем купэ, и тот четвертый, который в сотый раз вымерял длину вагонного коридора за их дверью.

— Только я вышел за дверь, — продолжал «граф» — она сразу же бросилась на меня...

— Кто, прислуга?

Уголовный помолчал, глядя на Андрея, потом сплюнул.

— Собака, говорю я, собака! — воскликнул он, сердясь.

«Граф» прекратил свой рассказ, как только убедился в том, что Разимов его не слушает. Уныло пощипывая свою рыженькую бородку, уголовный безразлично смотрел сквозь решетку и стекло в пронсившуюся даль.

— Знаешь, что? — вдруг таинственно прошептал Андрей. — Хочешь бежать сегодня ночью?

Уголовный изумленно глянул на Андрея.

Но тот уже оживленно раскрывал перед ним свой план. В переданной ему перед отходом поезда посылке, в французскую булку, был вложен напильник.

Андрей развернул пополам булку:

— Вот он!

Глаза уголовного заблестели.

— Если мы перепилим оконную решетку, то свобода будет в наших руках.

Уголовный деловито нахмурил брови:

— А ну-ка, покажи!

Взял напильник, повертел его в опытных руках, пощупал закорюзлыми пальцами острые, мелкие углы. Потом обтер его о рукав, сбрасывая приставшие к зубцам хлебные крошки.

— Сойдет — одобрительно сказал он. — Сейчас к нам придут фараоны на осмотр. Работу начнем, когда наступит тишина.

Напильник спрятали в прежнее место.

Они закурили и, развалившись на лавках, стали попрежнему тихо и монотонно разговаривать о прошедшем, то и дело косьясь на дверь в ожидании полагающегося осмотра.

II.

Жандармы строго оглядели отделение, в котором помещались преступники. Они осмотрели лавки, одежду арестантов, их карманы. Потрогали для порядка оконные решетки и ушли, не сказав ни слова.

В коридоре сменили часового, и снова только его медленные шаги нарушали тишину внутри вагона.

Темнота наступила быстро, и только две узких полосы света неслись перед паровозом, вздрагивая на стрелках и сечах рельс, проникая сквозь встречные кустарники и квадраты сложенных шпал, подбегая совсем близко к паровозу на подъемах.

— Начнем? — прошептал Андрей.

Пилили решетку поочередно. Необходимо было соблюдать все предосторожности. Шума работы не боялись, так как стук колес и завывание ветра были надежными союзниками. Но из коридора в дверь было вырезано маленькое окошечко, в которое каждую минуту мог заглянуть часовой.

Часовой ходил вдоль всего коридора, из конца в конец. Прислушивались к его шагам. Когда он медленно подходил к дверям, работу прекращали, опускаясь на колени под окно. В полумраке, проходя мелко мимо окошечка, часовой не мог увидеть притаившихся арестантов. Первый час работа шла очень медленно. Каждую минуту-другую она прерывалась, когда часовой проходил мимо двери.

Пилить напильником без деревянной ручки было тяжело. На пальцах и ладонях выступали темные полосы рубцов, кожа на ладонях горела от невыносимого прилива крови. Несмотря на дьявольское напря-

жение, арестованные бросились к своим лавкам и притаились спящими. Через минуту в окошечко уже заглядывал новый часовой.

III.

— Нам осталось распилить один прут и тогда всю решетку можно будет отогнуть кверху, — заметил Андрей.

— Можно-то можно — озабоченно пробурчал «граф», — но раньше ночи этого не сделаешь.

— Ну, так что-ж?

Теперь всем стал виден красный платок.

— А вечерний осмотр забыл? — сердито ответил «граф».

Андрей вспомнил и только теперь понял, как велика неожиданно открывшаяся перед ними, опасность.

— Д-да... — протянул он.

Весь день прошел в тоскливом и вместе с тем напряженном ожидании. Как никогда свобода была близка к ним и вместе с тем далека. Андрей не вставал со своей лавки. Сна не было, но тысячи всяких мыслей вертелись в мозгу вокруг одного: где выход из положения?

Понемногу они поправили решетку таким образом, чтобы распиленные места не бросались в глаза. Но укроются ли эти следы, когда жандарм, ничего не подозревая, тряхнет железные пруты?

Андрей припоминал, до малейших деталей, поведение жандармов во время осмотра. Решетку тронут наверняка, они точно и аккуратно осматривали все, что предписано инструкцией.

Но, что делать?

«Граф» безмятежно развалился на своей лавке. Он спал, видимо давно поставив крест над побегом. Бессонная ночь сделала свое дело. «Граф» был теперь неспособен помочь Андрею, и его веки не вздраги-

жение сил, напильник брал железо все-таки слабо. За первый час работы едва была перепилена половина одного прута решетки.

Потом в коридоре наступила тишина. Часовой прошел мимо двери и через несколько шагов остановился. Может быть, он стал у окна, силясь разобрать в пронсившейся навстречу темноте, постройки встречной деревни. А может быть, усталость сделала свое, и часовой присел на отопление, чтобы отдохнуть.

Андрей сменил «графа» и энергичнее взялся за работу. Не прошло и получаса непрерывного трения напильника, как первый прут решетки был готов.

Арестованные повеселели. Андрей, не глядя на оборванную кожу рук, взялся без перерыва за следующий прут, но вскоре не выдержал боли и передал напильник уголовному.

Пилили напряженно, упорно, с лихорадочной быстротой. Один пилил, другой держал снизу красный платок «графа», в который падали железные скрюченные опилки. Каждые полчаса Андрей становился на лавку и осторожно высыпал опилки в чашку вентилятора.

Работа продолжалась еще долго, если бы не рассвет, который нарушил тишину вагона. В коридоре зашаркали сапоги. Сменили часового. В одно мгно-

вали, несмотря на то, что солнце своими жгучими лучами смотрело ему прямо в глаза.

Мозг Андрея работал с лихорадочной быстротой. К вечеру по его воспаленным и усталым, но вместе с тем радостным глазам, по его нервным, но вместе с тем уверенным движениям можно было заметить, что он что-то придумал.

Он тихонько повернул на лавке «графа» и достал из его кармана красный платок, сослуживший свою службу в прошедшую ночь.

Когда жандармы вошли на вечерний осмотр «графа» открыл глаза и, сонным, непонимающим взором, следил за их строгими и грубыми движениями.

Его заставили подняться с лавки и отойти в угол купе.

Андрей продолжал лежать, сосредоточенно раскуривая махорку.

Жандарм подошел к соседнему окну и подергал решетку. Обернулся в сторону Андрея:

— Встать!

— Андрей нехотя повиновался, злобно и демонстративно поглядывая на говорившего.

Жандарм решительно шагнул к Андрею, но вдруг остановился. Его взор упал на второе окно и на лице строгость сменилась изумлением и негодованием.

«Граф» хрустнул пальцами. Он не видел за спиной жандарма истинной причины удивления, но понял, что они пропали.

— Кто это повесил? — строго спросил жандарм, отойдя на середину купе.

Теперь всем стал виден красный платок, привязанный к решетке вагона. Он покачивался в такт ходу поезда и, как маленький красный флажок, как символ, сигнализировал людям на встречных станциях и полустанках.

— Это твои шуточки? — с еще большей злобой повторил жандарм, вплотную придвигаясь к Андрею.

Андрей повернулся к нему спиной и попросил у другого прикурить.

— Руки по швам, мерзавец! — вышел из себя рассерженный и красный жандарм.

Схватив руками плечи Андрея, он с силой повернул его к себе лицом.

— Тебя спрашиваю или кого? — зарычал он.

Андрей вызывающе переступил с ноги на ногу и дерзко сказал:

— А хотя бы и я!

Жандармы переглянулись.

— Тебе что, кулака захотелось?! — прошипел старший.

— Снять платок! — крикнул он.

— Не сниму! — твердо ответил Андрей.

— Ты знаешь, что тебе это даром не пройдет? — пригрозил жандарм.

— Знаю, не беспокойся! — и Андрей сел на лавку.

«Граф» не двигался с места, недоумевая и не понимая, в чем дело.

Жандарм обернулся к нему.

— Сними платок!

«Граф» нерешительно шагнул вперед и на минуту остановился, ища глазами ответа на лице Андрея.

— Ну? — воскликнул жандарм.

«Граф» вздрогнул от оклика и медленно подошел к окну. Тихонько, чтобы не задеть решетки, он отвязал платок и понемногу стал снимать, в чем дело. Он быстро повернулся к жандарму и передал ему маленький грязно-красный комочек.

Жандарм еще раз оглядел арестантов строгим, начальственным взором и, удовлетворенно вздохнув, положил платок в карман.

— А тебе, молодчик, это даром не пройдет! — сказал он на прощанье Андрею.

— Ладно! — буркнул тот в ответ.

Жандармы вышли. Щелкнул замок и через минуту тишина в коридоре нарушалась только часовым, который ходил из конца в конец, постукивая о пол прикладом винтовки.

— Видал? — прошептал Андрей, еле сдерживая радость.

«Граф» потирал руки, с опаской оглядываясь на дверь.

Затея Разимова удалась. Внимание жандармов было отвлечено. Желание найти и исправить неполадок было удовлетворено тем, что крамольный красный платок перекочевал в карман хранителей порядка и приобщился теперь к «делу», как вещественное доказательство.

И когда поезд отошел от большой станции, залитой огнями, и быстро пошел по прямой, как стрела, дороге к столице, в купе арестантов снова верный напильник тихонько заспорил с железом решетки.

Часовой не мог слышать того, как, напрягая до последней степени свои мускулы, два рослых и крепких арестанта отогнули решетку настолько, что она не мешала уже выдавить окно и спрыгнуть на всем ходу в сторону от поезда, в темноту и неизвестность, в кусты и канавы.

Часовой стоял у своего окна, слушая однотонные песни колес.

А паровоз мчался все вперед и вперед, посылая в обе стороны клубы белого теплого дыма, который, кружась и извиваясь, бежал меж кустарников и деревьев, постепенно отставая от поезда, растворяясь в мягком ночном воздухе.

ДЕТИ—ПРИМАНКА

Если бы кому нибудь у нас, в СССР, довелось прочитать в газете объявление, что какой-то охотник предлагает доставить ему ребенка, в виде приманки для охоты на волков, то он наверное решил бы, что тут кроется какая-то шутка и притом весьма глупая. Впрочем, вряд ли подобное объявление вообще было бы принято в печать. Но мы люди отсталые и мало культурные. Читайте же и поучайтесь! Не столь давно, в английских газетах, издаваемых на О. Цейлоне, можно было прочесть нижеследующее объявление: «Требуется здоровые, хорошо упитанные дети, для приманки при охоте на крокодилов; будут возвращены в сохранности». Оказывается что Цейлонский крокодил — животное весьма ленивое и выманить его на

берег не легко; единственная приманка против которой он не может устоять, — это свежее мясо маленького цейлонца. И вот, посадив «приманку» на берег реки или озера, охотник прячется по близости и ожидает выхода людоеда, которому должен меткой пулей преградить путь к назначенной жертве. Бедность и алчность побуждают некоторых туземцев идти на эту безобразную сделку и отпускать англичанам-охотникам своих детей, в надежде на ловкость и опытность стрелков. Говорят, что плата за «приманку» общедоступная; стоимость крокодила несравненно выше.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КЭТЛЬ

Рассказ К. ХАЙН.

Рисунки Г. Фитингофа.

АЙСБЕРГ—ЛЕДЯНАЯ ГОРА.

Капитан Кэтль горячо благодарил своего покровителя, м-ра Мартина Карнфорта, благодаря содействию

которого он получил командование трансатлантическим почтовым судном «Арменией».

— Вот, м-р Карнфорт, — продолжал он, — до чего мало помогает людям их самая лучшая квалификация и рекомендация. В наши дни каждый капитан получает место только благодаря знакомству. Да, да, м-р Карнфорт, благодаря связям и счастливой случайности. Свидетельств всяких у меня целые кипы, однако, ни разу еще они не выручали меня ни на йоту. Вы же, наоборот, богатый человек, член парламента и потому имеете влияние. Вам стоило замолвить за меня словечко и, глядишь, все дело в шляпе.

— Я, дружище, от всего сердца желаю вам всяческой удачи! — ответил Карнфорт. — Правда, «Армения» самый старый тихоход в этом обществе, однако, ничего лучшего мне не удалось раздобыть для вас. Общество очень редко меняет капитанов и приглашает их только в порядке очереди. Перед вами теперь вся линия, капитан, вплоть до самых новейших скорых судов и ваша дальнейшая карьера зависит теперь исключительно от вас самих. Я надеюсь еще встретить вас командиром своей линии, но, как я уже сказал, об этом вы должны сами позаботиться. Все, что я мог, я сделал.

— Вы сделали для меня больше всех в мире, м-р Карнфорт, и я от всего сердца благодарю вас за это. Можете быть уверены, что я сделаю все, что только в моих силах, лишь бы удержать хорошее место, которое мне попало! Мысль о жене и детях никогда не покидает меня.

Почтовый пароход «Армения» или, как его называли офицеры и машинисты, «старая посудина» в трансатлантическом пассажирском сообщении был больше знаком, чем уважаем. Когда-то и «Армения» была «быстрейшим судном в мире» и побивала рекорды, однако, эти солнечные дни уже давно померкли. Судовое и машинное строительство идет вперед гигантскими шагами и постоянное соревнование всех больших морских линий приводит к тому, что все пароходы начинают быстро стариться. Новые суда значительно превосходят их в скорости и экономии. Так и это пароходное общество обзавелось новыми судами, которые должны теперь делать своим умопомрачительные по скорости рейсы, о которых говорят в газетах и в пассажирских книгах которых красуются имена знаменитых артистов и пианистов. Кроме того, на этих судах много и таких людей, которым для полного удобства необходимо три комнаты и ванная и которые по окончании пути имеют большие винные счета. «Армения» же превратилась в дешевое судно. Этим пароходом пользовался обычно определенный класс людей, вроде миссионеров-мормонов и других прозелитов. Сами святоши всегда катались в первом классе и от остальных пассажиров отличались лишь дурными манерами. Их жены находились во втором отделении, а вся гуща шумливых прозелитов сидела в глубоком трюме и обслуживалась так, как это было возможно сделать за три фунта десять шиллингов с души. Кроме мормонов среди пассажиров, несомненно, имелись и более приличные люди, которые так же легко смешивались с первыми, как масло с водой.

Когда капитан Овен Кэтль неожиданно очутился перед этим странным обществом, то его новая обязанность дей-

ствовала на него ошеломляюще. Тридцать семь лет прожил он на свете, но никогда не имел дела с этим видом мореплавания. Ему никогда еще не приходилось также служить на большом пассажирском корабле, устройстве которого было для него совершенно незнакомо. Да и команда состояла из таких матросов, с которыми он в своей прежней мореходной практике никогда не встречался: каждое приказание выполнялось точно и моментально, без малейшего ропота. Наконец, впервые в жизни, а это показалось ему особенно непривычным, ему пришлось столкнуться с провиантмейстером (по имени Реджинальд Геррокс), обязанности которого он никак не мог приладить к своему капитанскому полновластию.

М-р Геррокс приветствовал его на борту. Капитан и провиантмейстер посмотрели друг на друга с большим вниманием.

Кэтль был настроен недоверчиво, сдержан и ревниво занят охранением своего высокого звания. Провиантмейстер же был мягкий, бывалый человек, положение которого само обязывало его всегда быть услужливым и любезным с чужими людьми. Он гордился своим умением поместить сварливого пассажира в самую плохую и неудобную каюту во всем пароходе и в какие-нибудь десять минут привести его в превосходное настроение духа. Так и на этот раз он решил заранее встать с новым капитаном на хорошую ногу.

Кэтль, по натуре самодержец, несомненно, сразу не смог освоиться с новым положением вещей. «Армения» лежала в доке и грузчики были заняты приемом груза, когда новый капитан сделал свой первый визит, чтобы осмотреть судно. Геррокс встретил его словоохотливо и радостно повел его всюду, начиная с трюма вплоть до спальных стюардов. Провиантмейстер был сама кротость, однако, капитану этот тон абсолютно не понравился. Когда они, наконец, кончили свой обход и вошли вместе в карт-каюту на нижнем мостике, Кэтль неожиданно повернулся и, остро уставившись в лицо м-ра Геррокса, сказал:

— Само собой разумеется, вы будете так любезны и поймете, что капитаном этого судна являюсь я.

— Вне всякого сомнения, капитан! — ответил Геррокс, приветливо улыбаясь. — Моя область — только забота о пассажирах и прием провианта на суше. И здесь я действую, конечно, только как ваш уполномоченный и приносиваюсь к вашим распоряжениям.

— О, — заметил Кэтль, — я в этом отношении предоставляю вам почти безграничную свободу. Все эти гостинные дела, должен вам признаться, для меня совершенная новость, так как до сих пор я управлял только грузовыми судами.

— Ну, конечно, капитан, моя служба — по существу совершенно особое призвание, частности которого вам едва ли приходилось изучать. И я думаю, что будет лучше всего, если я и дальше поведу все дела так же, как вел их до сих пор. Если же какие-нибудь частности вам не понравятся и вы пожелаете изменить их, то вам стоит только заявить мне об этом и я позабочусь сейчас же об их изменении. Это моя обязанность. С быстрым и точным исполнением полученных приказаний я превосходно справляюсь. Свое место я отлично знаю, капитан: я только ваш ассистент.

Капитан Кэтль нажал кнопку электрического звонка.

— М-р Геррокс, — сказал он, — я думаю, что мы хорошо поладим с вами. Я надеюсь, по крайней мере. Это бесспорно много удобнее, чем если бы все вышло наоборот.

В двери каюты постучались и вошел человек без шапки, в короткой голубой куртке с позолоченными пуговицами.

— Стюард, принесите мне бутылку виски, немного воды и два стакана. Г-н провиантмейстер, вы выпьете со мной, не правда ли?

— За то, чтобы у нас всегда была полная нагрузка! — сказал Кэтль, когда появилась виски.

— За множество пассажиров и за популярное судно! — ответил провиантмейстер.

Если м-р Геррокс на борту «Армении» разговаривал таким покорным и вежливым тоном, то происходило это потому, что он вообще сроднился с искусством говорить своему собеседнику одни лишь приятные вещи, стараясь таким путем завоевать его расположение. Свои же private размышления он открывал только в подходящих условиях. И в тот же вечер, сидя против своей жены за чайным столом в своей квартирке на Нью-Бриттоне, он признался, что новый капитан ни в какой мере не возбудил его симпатии.

— Заполучили же они, однако, потешного каннибалика! — заметил он. — Парень всю свою жизнь имел дело с одними товарными судами и, должно быть, так же мало знает, как нужно обращаться с салфеткой как и с добрым вином.

— Об этом ты можешь заявить любому из директоров! — предложила м-сс Геррокс.

— Нет, это лучше оставить. По крайней мере, сейчас. Человек он новый, имеет отличные рекомендации и, конечно, его считают сущей драгоценностью. Я же вовсе не желаю себе портить отношения из-за чересчур поспешного обвинения. Пусть он сам заберет побольше ходу, тогда и без меня сам затянет скоро петлю на своей шее.

— Приблизительно, так же, как и последний?

— О, этот гораздо опаснее! В сущность, мне сейчас даже жаль, что я устроил прощание нашему последнему старику. Он был вовсе не так уж дурен, пока я не завинтил слишком туго своих гаек. Но этот, по всей видимости, совершенно не поймет, что я тоже имею право на побочные делишки.

— Но ведь ты провиантмейстер! — ответила м-сс Геррокс. — Как он думает, с чего же ты живешь? Он должен же понимать, что на твое жалование далеко не уедешь?

— Он как будто совсем не знает, что такое представляет из себя провиантмейстер, а когда я попробовал разъяснить ему, то он сразу окрысился на меня и заявил, что он капитан этого проклятого судна.

— Ну, и что дальше?

М-р Геррокс пожал плечами.

— Я тут же поддакнул ему. Дурака можно одинаково уластить, как и раздражить, моя милочка. Он воображает, что если он толковый моряк, — а таков он на самом деле, это я охотно подтверждаю, — то он может уже командовать трансатлантическим пассажирским пароходом. Но дудки, тут ему придется еще многому поучиться, и я человек, который займется его выучкой.

Во всей этой истории всего больше сердил капитана на самый «воспитательный процесс», а то, что он сам его лично заметил. Еще никогда с ним не случалось, чтобы подчиненный осмелился восстать против его начальственной воли и главной, с успехом. Взять же в оборот этого любезного провиантмейстера было абсолютно невозможно: никогда не проявлялось им прямого неповиновения, а если он делал какое-нибудь предложение насчет ведения дел и попадал вразрез с мнением капитана, то сразу же отступал от него и превращался в воплощенную вежливость.

— Прекрасно, капитан! — говорил он. — Как вы желаете. Вы капитан, я же провиантмейстер, и отлично знаю свое место.

Однако, потом выходил какой-нибудь толчек, которого капитана не мог отпарировать.

В столовой стояли три длинных стола, за одним из которых сидели капитан, провиантмейстер и доктор. Когда на борт являлись пассажиры из Ливерпуля или Нью-Йорка, указывать им места за столом являлось обязанностью м-ра Геррокса. С помощью тонкого чутья и долговременной практики, он дошел до того, что каждого пассажира распознавал с первого взгляда. Вкус же капитана Кэтль и границы его разговорных способностей он также знал. И когда этот устрашающий капитан делался ему непереносным, провиантмейстер давал ему в отместку таких соседей за столом, что Кэтль все время находился

в состоянии сдерживаемого бешенства. Устроить это было очень легко и м-р Геррокс так умело вел свое дело, что протестовать против такого рода тираннии капитану Кэтлю было невозможно.

И нужно правду сказать, что для бесед за столом пассажирского корабля, капитан Кэтль вовсе не был на своем месте. Положение это было для него столь же ново, как и странно. До сих пор он носился в открытом море на грузовых судах и только изредка попадал к нему на борт случайный пассажир. За столом разговор вертелся только на пустяках, касающихся парохода или же, что бывало чаще всего, царил сварливый, угрюмый молчание.

Здесь же, в этом пароходе-отеле, ему неожиданно навязали роль «главы общества». О чем он должен говорить? Свои собственные переживания в море он опасливо держал при себе; они казались ему абсолютно неподходящими для цивилизованного общества. То, что их могли найти увлекательными, он и во сне не предполагал. Также и свое музыкальное мастерство на гармонии он предпочитал утаить. Для этих художественных пассажиров, по его мнению, гармонь не была подходящим инструментом. Он решил, однако, что его любовь к поэзии, есть единственная возможность соединить его интерес с интересами образованного общества. Но всего лишь один раз высказался он на эту тему. Это случилось тогда, когда в беседе произошла одна из тех пауз, которые в большом обществе всегда мучительны. Кэтль рассердился, что у провиантмейстера и доктора общий разговор шел не умолкая, и с отчаяния коснулся темы, которой до сих пор заботливо избегал.

Тотчас же все насторожились. Сидящие возле него мужчины, большей частью американцы, решили, что капитану захотелось стать юмористом. Ни одному из них не пришло в голову, что этот маленький моряк, с укусымым выражением лица, являлся сочинителем тех стихов, которые неожиданно принялся декламировать. Но когда общество стало догадываться, что никакой шутки тут нет, и что сей муж декламирует с полной серьезностью, то комизм контраста подействовал на всех неудержимо. Всеобщее шумное веселье было ответом и пассажиры буквально корчились со смеху. И тут неожиданно капитан Кэтль открыл, что именно сам он причина этого хорошего настроения своих пассажиров. Он сухо выпрямился на своем стуле и окинул радостное общество мрачным взглядом. В первый момент он готов был от бешенства каждого смеявшегося пристрелить на месте. Но в первых, он был безоружен и во-вторых, перед ним были пассажиры, а не команда. Кроме того, смех затих так же неожиданно, как и появился. Смеявшиеся замолкали один за другим, едва их взгляд падал на злое, перекосившее от злости лицо капитана. Наступило неприятное молчание и оно царило вплоть до конца обеда.

Это же молчание только изредка прерывалось за всю поездку, по крайней мере, в середине стола, т.е. близости капитана. А если кто осмеливался заговорить, капитан Кэтль с таким видом вперял в него глаза, что тот сразу же обрывал свою беседу. Эти пассажиры рассеялись позднее по всем четырем сторонам и «Армения» никогда их больше не видала. Однако, каким-то образом слух о напряженном отношении капитана с пассажирами дошел до правления компании, и капитан Кэтль получил приветливое увещание в будущем удерживаться от подобных сцен.

— Я очень хорошо знаю, что в общем, пассажиры трудно поддающиеся влиянию стадо, — говорил ему директор. — Однако, видите ли, мой дорогой капитан, такова уж наша судьба: мы должны возиться с ними и потому никак не можем делать одно из наших судов непопулярным. Вы определенно должны действовать более тактично, капитан. Такт — это главное на вашем месте. Используйте ваше умение в том, чтобы кого-нибудь пригласить на дружескую бутылку шампанского. Люди ответят тем же, а в итоге, большие счета и мы получим прибыль. Ваша задача состоит только в том, чтобы сделать вашим пассажирам жизнь наиболее уютной и чтобы им нравился пароход, а благодаря этому они оставят на судне массу денег и возвратятся для еще больших трат. Поняли?

Капитан «Армении» понял, что получил некоторую встряску, и решил в будущем точно следовать инструкциям директора. Однако, несмотря на то, что я принадлежу к его искренним обожателям, я не верю, чтобы ему

удалось на самом деле применить к положению. Наоборот, я полагаю, что для пассажирских пароходов во всем мире нет более неподходящего человека, чем капитан Кэтль. Впрочем, его планам не суждено было сбыться, ибо дни его, как капитана пассажирского судна «Армения», были сочтены. Снова постигла его злая судьба: он потерял судно и опять очутился в рядах безработных капитанов. И еще более жестокой показалась ему на этот раз судьба, так как одновременно он столкнулся с большим искушением.

ходите сюда и потребуйте от хозяина пятидолларовый коктейль. Он же укажет вам и дальнейшую дорогу. Если же боитесь, то просим не беспокоиться. Нам трусливые люди не подходят. В подобном случае мы сумеем где-нибудь отыскать человека с более крепкой закуской».

Битый час раздумывал маленький капитан над этим драгоценным документом. «Какая-нибудь воровская история» — подумал он вначале. Однако, указанная сумма для таких дел чересчур солидна. Затем он решил было счи-

— А не много ли вы воображаете о своем пятидолларовом коктейле?

Это знаменательное происшествие имело место на обратном пути из Нью-Йорка, в холодную, сырую, весеннюю пору. В день отплытия на столе в капитанской каюте лежало письмо с таким адресом: «Капитан Кэтль. «Армения». Никто не знал, как оно туда попало: среди царящей суеты и в сутолоке всяких грузчиков и рабочих, любой посылный мог проскользнуть на судно совершенно незамеченным. Письмо было написано на машинке и носило адрес темной дыры на Бовери. Вот что в нем стояло:

«Сумма в 50.000 долларов (10.000 фунтов) дожидается, чтобы вы ее заработали. От вас потребуется немного отваги и решимости. Предложение вы можете отклонить или принять, как это вам будет угодно. Если же вы все-таки решитесь и захотите узнать о подробностях, то при-

тать всю историю за шутку, потом за ловушку, куда его хотят завлечь и ограбить. Последняя строчка и адрес, дом в самой опасной части всего города, особенно подтверждали его последнюю догадку. Мне думается, что в конце-концов надежда на хороший куш заставила капитана Кэтль последовать приглашению. Во всяком случае, вечером он тронулся в путь и после продолжительных поисков нашел указанный в письме довольно отвратительный кабак.

Он вошел и бросил через прилавок вопросительный взгляд.

Хозяин с засученными рукавами передвинул свою сигару из одного угла рта в другой.

— Ну-с, мистер, чем могу вам служить?

— А не много ли вы воображаете о своем пятидолларовом коктейле?

— Ага, вы вероятно, капитан Кутл? — прошептал человек.

— Кэтль! Чорт вас подери!

— Та, та, та! В сущности, это одно и то же. Итак, пожалуйста, прогуляйтесь вот через эту дверь, а затем вверх по лестнице.

Капитан Кэтль похлопал свой карман на груди, где виднелись очертания револьвера.

— Если кому хочется пошутить надо мной, то ему плохо придется.

Хозяин пожал плечами.

— Могу только похвалить такую предосторожность. Эдакую штучку иметь не вредно в этих местах. Но мне кажется, те наверху ведут честную игру.

— Ну-с! — заметил Кэтль, — это будет видно. — Он открыл дверь и, громыхая, стал подниматься по лестнице.

Вошел он в скудно обставленную комнату, куда свет проникал сквозь одно единственное грязное оконце. В комнате никого не было. Чтобы как-нибудь дать о себе знать, он подошел к столу и принялся барабанить по нему.

Тотчас же он услышал заговоривший с ним голос:

— Как дела, капитан? Пожалуйста, не закроете ли за собой двери?

Кэтль испугался, что с ним обычно не так легко случилось. Место находилось в самой отпечетой части Нью-Йорка. Комната, за исключением разваливающегося стола и двух ломких стульев, была пуста и все-таки голос говорил совсем близко от него. Инстинктивно его рука схватила револьвер на груди.

Он круто повернулся, чтобы убедиться, что он, действительно, был один. Затем он даже ткнул ногой под стол, желая вполне увериться, нет ли там кого-нибудь. Но тут голос обратился к нему вторично, на языке, начиненном разговорными повадками янки.

— Уж вы извините, капитан, что стена разделяет нас, но мне необходимо оберегать свое здоровье. Я думаю, что наше дело мы обсудим так более безопасно.

Угрожающее лицо маленького моряка расплылось в улыбку. Он просто не заметил сперва воронки слухового аппарата.

— Ага! — сказал он. — Вот, как обстоит дело! Вы не желаете показаться? Поэтому, я заключаю, что вы мне хотите сказать то, чего сами стыдитесь?

— Наоборот, я горжусь этим. Патриот никогда не должен стыдиться своего дела.

— Ну, в таком случае, выкладывайте! — ответил Кэтль. — Мое время рассчитано, а ваша приемная далека от милого впечатления.

— Дело идет просто о том, капитан, чтобы вы кое-кого убрали с нашей дороги. В пассажирской книге на вашем обратном пути в Ливерпуль значится некий м-р Гримсби!

— Это возможно!

— Это так! Человек этот — опасный зверь.

— А мне какое дело?

— Он приехал сюда по поручению ирландских революционеров и пронюхал значительно больше вещей, чем это ему полагается. Завтра он едет обратно на «Армении» и если вы можете устроить дело так, что он не высадится на берег по приезде, то на весь остаток своих дней вы — обеспеченный человек.

Лицо капитана Кэтль приняло жесткое выражение и на язык просился резкий ответ, но он сдержался и вместо этого спросил:

— И какую сумму вы назначили на это?

— Пятьдесят тысяч долларов, или десять тысяч фунтов стерлингов.

— А как вы гарантируете платеж?

Ответ поразил его.

— Деньги вы можете получить теперь же! — ответил голос.

— Ну-с, а если я возьму деньги, как можете вы быть уверены, что я точно выполню поручение и отправлю за борт этого м-ра Гримсби? Кажется, об этом речь идет, если я правильно понял?

Голос захихикал.

— У нас повсюду есть агенты, капитан! Если вы попробуете нас водить за нос, то придется вскоре убрать вас самих.

— Так? — зашипел Кэтль: — В моей жизни ко мне уже не раз прилипла довольно неприятная сволочь и я справлялся с ней. И ровным счетом со мной ничего не

случится, если я столкнусь с вашей ордой, просто таки из любви к искусству. Однако, слушайте-ка, ползучая, трусливая свинья! На этот раз вы не на таковского напали. Выходи-ка из-за своей стены, если у тебя хватит духу, и скажи мне в лицо, что тебе надо. Рук своих я об тебя поганить не стану, но хорошенький пинок ногой получишь и так, что твой дурацкий хребет выедет через твою шляпу. Ты осмеливаешься мне предложить роль гнусного убийцы?

Словоохотливость капитана Кэтль произвела неожиданное действие. Голос у трубки начал хохотать.

Кэтль принялся снова обкладывать его. Он говорил о предках с отцовской и материнской стороны невидимого человека, о его личных качествах и предстоящем будущем. За свою жизнь на грузовых судах Кэтль приобрел основательный запас подобных выражений, а во время своего пребывания на пассажирском пароходе был вынужден черпать из этого запаса по чайным ложкам. И теперь для него было истинным облегчением дать, наконец, волю своему языку. Он льстил себя надеждой, что каждая из его фраз бьет незнакомца за стеной, бьет словно плетью.

Но невидимка слушал его, повидимому, без особенного волнения.

— Выпустите-ка немного пару, капитан! — сказал он. — Чувствуйте себя, как дома.

Точно пришибленный, капитан оглянул пустую комнату. — Чорт! — сказал он. — Если я состряпаю себе чучело из глины, то и в его теле будет больше благородства, чем в тебе.

— Конечно! — ответил голос. — В действительности, ведь, я вовсе не существую. Я — только имя, но своих врагов я умею хорошо настичать, что отлично сознают те же газеты. Мои векселя всюду учитываются, в чем вы сами можете убедиться, если хотите. В случае, если вы решитесь убрать до Ливерпуля этого революционера Гримсби, то деньги, как я уже сказал, вы можете получить сейчас же. Деньги для нас роли не играют. Они все равно, будут растраты, так почему бы их вам не заработать, как и всякому другому.

— Я отдал бы не знаю, что, если бы мог свернуть вам шею! — отвечал Кэтль, одновременно выстукивая стену в разных местах и исследуя ее толщину.

— Это же, наконец, скучно! — снова начал голос. — Оставьте же свои глупости. Вам не удастся поймать меня, хотя бы вы сейчас пошли и всполошили всю полицию Нью-Йорка. Полиция этого города отлично знает, с которой стороны ей маслом мажут хлеб. Я — человек с чековой книжкой, мой мальчик, и можете побиться об заклад, что ни одна полиция не будет настолько глупа, чтобы накрыть меня.

— Мне здесь не место! — ответил Кэтль. — Повидимому, мне не выкопать вас из вонючей дыры, куда вы засели, и я боюсь отравиться вашим дыханием, если я еще дольше здесь пробуду. А что я думаю о вашей матери, я вам уже сказал.

Маленький капитан покинул комнату, спустился по лестнице и вышел на улицу. Связываться с полицией он не испытывал ни малейшего желания, питая к ней глубокий страх. Он влез в трамвай, а затем переправился на свое судно.

Было два часа утра, когда он вышел на борт, но шум и суета на палубе была, как и днем. Паровые винты хлопали, бряцали цепи и раздавались громкие возгласы работающих при свете электрических ламп. Однако, весь этот шум несколько не помешал сну капитана; даже только что пережитый эпизод не подействовал на него. Капитану трансатлантического судна, во время пути, вообще, очень мало приходится спать, а потому, пока пароход стоит в гавани, он старается лучше отоспаться.

Уже на следующий день судьба устроила первое столкновение капитана Кэтль с м-ром Гримсби. Буксир только что начал выводить судно из дока, когда один пассажир начал подниматься по лесенке, ведущей к капитанскому мостику. Матрос запротестовал. Однако, довольно властный пассажир, казалось, считал вполне понятным, что никаких запретов для его особы не существует. Он отодвинул матроса в сторону и поднялся по лестнице. Там его встретил сам капитан Кэтль.

— Ну-с, сударь, что вам угодно? — обратился он к незнакомцу.

— Я желаю взглянуть, как вы выведете свой пароход из Нью-Йорка, капитан!

— Вот как! — заметил Кэтль. — А не германский ли вы император?

— Я мистер Роберт Гримсби.

— Это в сущности одно и то же. Ни вы, ни только что упомянутая мною высокая особа, здесь не капитан. Капитан — я, который просит вас убраться отсюда и даже поскорее, прежде, чем вас удалят другие. Провиантмейстер, я запишу вас в журнал за неисполнение служебных обязанностей.

М-р Гримсби повернулся и сошел с лестницы с довольно красным лицом. «Благодарю, капитан», — сказал он, оглядываясь. — «Я имею некоторое знакомство в вашем пароходстве и не примину напомнить ему о вашей любезности».

Случайно в это же время капитан Кэтль в Нью-Йорке очень беспощадно урезал побочные доходы своего провиантмейстера и этот почтенный человек так же жаждал мести. М-р Гримсби как раз пришелся ему на руку. Он был твердо уверен, что восемь последующих дней совместной обеденной беседы этого господина с капитаном Кэтль доведут последнего до сумасшествия. И потому он указал м-ру Гримсби первый стул по правую сторону капитанского стола, внутренне торжествуя от результатов своего маневра.

Как только капитан вывел «Армению» в открытое море, он спустился вниз к обеду. При входе в зал м-р Геррокс шепнул ему: — Направо от вас сидит м-р Гримсби, капитан. Не мог дать ему другого места. Видный общественный деятель и богатый человек в Ирландии.

Кэтль сухо кивнул и направился к своему месту. Обед начался. Мистер Гримсби ни одним словом не намекал на недавнее столкновение. Он решил получить полное удовлетворение за перенесенное утром унижение и сразу же принялся выполнять задуманное, обладая особым искусством дипломатов в самой вежливой форме говорить неприятнейшие вещи, делая самые колкие замечания в границах хорошего тона.

Как несчастный Кэтль досидел до конца обеда, он и сам потом не знал. Против таких вежливых атак он был абсолютно беспомощен. Все удары его противника попадали в точку и у него пот выступил на его лбу, когда он встал из-за стола. Горячую мольбу послал он к небесам, чтобы на всем пути «Армении» по Атлантическому океану стояла дурная погода и он был бы принужден все следующие семь или восемь дней находиться на морозной вышке командного мостика.

***

И, наконец, мы приходим к моменту, когда капитан Овен Кэтль вновь был одурочен непостоянной богиней судьбы.

«Армения» шла своим ровным ходом среди ночи и через правильные промежутки времени подавала глубокий и жуткий звук своей сирены. Стоял густой туман. Стрелка телеграфа на мостике показывала половинный ход, согласно требованиям закона, машинное же отделение, как всегда, получило особые инструкции и держало нормальный ход.

На баке четверо сторожевых упорно таращили глаза в туман, отлично сознавая, что они столько же помогут, как если бы лежали в своих койках. На мостике стоял Кэтль и два его офицера в блестящих маслянистых костюмах и точно также вглядывались в густой мрак, хотя едва ли различали даже фок-мачту. «Армения» же неслась по воде на своих уютных четырнадцати узлах и под ее палубой лежало пятьсот спящих людей. Профан воображает, что при таких обстоятельствах пароходы должны идти медленно или застопорить. Капитан же почтового парохода знает, что если он позволит себе это сделать, то едва ли ему придется еще раз вести свой пароход по Атлантике; ведь один потративший день пожирает угля и провианта приблизительно на тысячу фунтов.

«Армения» шла вдоль нью-фаундлендских берегов по обязательной пароходной линии, где с пароходом ничего не могло случиться; ничего, за исключением рыбацких челноков, которые в счет не идут, так как их попросту пережует напололам, если они так несообразительны, что подвертываются под судно.

Но вдруг, впереди, в тумане, неожиданно выросла гигантская масса и почти в тот же момент пронзительный звонок телеграфа послал приказание в машинное отделение. Однако, прежде чем успели убавить пар, раздался лязг и скрежет стальной обшивки, а нос парохода согнулся, как будто он с отчаянной силой налетел на массивную стену.

Машина застопорила; ужасающий скрежет прекратился. Слышался только звенящий шум, словно от множества разбивающегося стекла.

— Пошел мой патент ко всем чертям! — сказал Кэтль горьким тоном. — И кто же мог предполагать, что в это время года и так далеко на юге, можно столкнуться с ледяной горой.

Однако, полное присутствие духа и свое обычное хладнокровие он сохранил. Быстро, но спокойно отдавал он первому офицеру все необходимые приказания.

— Ну-с, мистер Скелтон, возьмите с собой плотника, спуститесь вниз и установите размер повреждения.

Вся команда уже высыпала на палубу.

— Все к лодкам! Все приготовить к спуску и спокойно ждать дальнейших приказаний. Пока мы еще не тонем. А когда начнем тонуть, то и в этом случае свалка лишена смысла. На каждой каютной лестнице двое матросов для охраны и ни одного пассажира не пускать на палубу. Они нам пока не нужны здесь.

Внизу около мостика стоял наполовину одетый провиантмейстер, спокойный и выжидающий: «А, м-р Геррокс, поднимайтесь наверх, пожалуйста».

В это время «Армения» сползла с ледяной горы и спокойно лежала на воде, окруженная туманом. «Ну-с, провиантмейстер, со старой посудиною все покончено. Взгляните, как она голову повесила. Созывайте скорее вашу грузовую команду и снабдите лодки провиантом. Держите парней крепко в руках, чтобы не было никакой паники, а вместе с этим и утопленников. Как только будете готовы, я прикажу спустить лодки на воду, и тогда вы позовете пассажиров на палубу, в первую очередь, женщин и детей».

— Слушаю, капитан!

— Еще одну минутку. Всякого, кто не подчиняется, пристрелит!

— Прощайте провиантмейстер! — добавил капитан. — Вы еще не из самого вредного сорта.

М-р Геррокс ринулся вниз, первый же офицер возвратился обратно и тихо рапортовал своему капитану.

— Сорвано почти все дно, капитан. Шестьдесят футов обшивки к чорту. Водонепроницаемая перегородка вдребезги. Половина океана уже в корабле.

— В таком случае отправляйтесь, м-р Скелтон, к вашим лодкам. Возьмите с собой основательный запас ракет и голубых огней. Когда с рассветом туман рассеется, нас должна взять на борт «Грузия».

— Слушаю, капитан.

— Итак, мистер Скелтон, желаю вам счастья.

— Прощайте, капитан! Старайтесь оправдаться перед морскими ведомствами. Я готов клаяться небом и землей, что вы не виноваты. Вы, наверное, не потеряете патента.

Офицер бросился вниз по лестнице, Кэтль же остался на своем мостике один. Повсюду на палубе парохода зажгли фейерверки, ракеты и голубые огни, которые поднимались к черному, как чернила, небу. На палубе уже теснились испуганные человеческие существа, беспокойные, как взбудораженный муравейник.

Лодки парохода были спущены на воду. Они на минуту задерживались на своих канатах, густо наполненные человеческим грузом, затем отталкивались и, выйдя за предел неминуемого, втягивающего водоворота, останавливались в ожидании. Дюжинами покидали пассажиры свои роскошные каюты и лезли в хрупкие, открытые маленькие лодки, так опасно танцевавшие на волнах, окруженные морозным туманом и черной атлантической ночью.

Кэтль стоял на мостике и прислушивался. Он еще слышал жужжание откачивающих насосов, которые продолжали непрестанно работать; он слышал все еще эту неравную борьбу с вливающимися потоками воды в самое нижнее отделение. Наконец, затих и этот шум. Из паровых труб вырвался пар — признак того, что машинисты уже принуждены освободить котлы, чтобы избежать взрыва.

Возле бак-борта, у сходней, стояла группа мужчин, звавших капитана Кэтль. С мрачным взглядом он спустился и подошел к ним. Это были: провиантмейстер, второй офицер и мистер Гримсби.

С неожиданным взрывом ярости набросился Кэтль на своего вежливого мучителя.

— Мистер отправляйтесь в свою лодку. Как вы осмеливаетесь не подчиняться моему приказанию. Я приказал, чтобы все пассажиры покинули судно. Теперь — вперед, катитесь в лодку или, клянусь бородой пророка, я столкну вас туда.

Мистер Гримсби сделал было попытку заговорить.
— Ни одного слова! — крикнул Кэтль. — Или я пристрелю вас.

М-р Гримсби умолк. Как знаток людей, он понял, что этот прогоревший капитан сдержал-бы свое слово. Он карабкался вниз по качающейся лестнице с неуклюжей неуверенностью сухопутного жителя, ища ногами опоры. Когда он достиг платформы у конца лестницы, то заколебался. Под ним танцевала спасательная лодка.

— Проклятье! Да прыгайте-же! — зашипел ему в ухо второй офицер. — Или вам хочется дожидаться, пока пароход погрузится под ваши ноги.

Гримсби прыгнул, тяжело перевалился через белый борт лодки и, точно камень, исчез в черной воде.

Как молния, сверкнул в уме капитана Кэтль ряд различных мыслей. Десять тысяч фунтов были обещаны ему, если этот человек не высадится в Ливерпуле. Сам он опять будет без места, опять «на улице», его жена и дети будут голодать. Кроме того, он переносил от этого человека жесточайшие унижения и горячо его возненавидел. Если он останется теперь пассивным и даст ему утонуть, то удовлетворится не только его жажда мести, но обеспечится и возможность беззаботной жизни в будущем. Но тут ему неожиданно вспомнился опять американец с аппаратом на улице Бовери и, при мысли, что тогда он сыграет в руку этому подлому убийце, он забыл все остальное. Отодвинув Геррокса и второго офицера в сторону, он нырнул за исчезнувшим пассажиром.

Далеко не легкое дело — в такую черную ночь и при таком волнении отыскать человека в воде. Прошло довольно долгое время, но ни один из них еще не показавшись на поверхности. Наконец, когда люди в лодке уже стали опасаться, что тонущая «Армения» затащит их в свой водоворот и собралась уже оттолкнуться, обе головы неожиданно вынырнули и крюками были втащены в лодку.

Оба были без сознания; так их и оставили лежать на дне лодки. По обеим сторонам натянулись ремни, судорожно заработали весла и, благодаря этому, лодка летела по волнам, подобно странному, шевелящему ногami насекомому.

По счастливой случайности, они скоро нашли способ ориентироваться. Позади, в темноте взлетали ракеты и, пока они колыхались на равнодушной поверхности воды,

Неожиданно вынырнули очертания большого парохода.

ной пустыни, из мрака неожиданно вынырнули очертания большого парохода, иллюминированного тысячами огнями, похожего на гигантскую театральную декорацию. Остальные лодки были уже свободны от своего груза и одиноко качались на волнах. Лодка второго офицера направилась к спущенной лестнице.

— Это «Грузия» — сказал элегантный офицер, встретивший потерпевших. — Ваша лодка — последняя. Всех ваших людей мы уже подняли, если вы только не потеряли кого-нибудь.

— Нет, — ответил второй офицер. — Все мы в добром здравии. Вот там, с пальцами в шевелюре пассажира, наш старина.

— Мертвый?

— Нет, я только-что это видел, как они оба пошевелились.

— Так! Приготовьте их, чтобы наш доктор мог заняться ими. Но немного поторопитесь. Этой поездкой мы хотим побить рекорд быстроты и потеряли из-за вас уже достаточно много времени.

— Ладно! — печально ответил второй офицер «Армении». — Не думаю, чтобы наш старик был очень рад тому, что он остался в живых: после того, как он потопил «старую посудину», возможность получить другое место едва-ли осуществится.

(Из истории комсомольского движения в Ленинграде).

Очерк второй ¹⁾.

ПЕРВЫЕ ГОСТИ С ЗАПАДА.

Звонок по телефону.

— Говорят из Коминтерна. Есть у вас кто-нибудь, кто говорит по-немецки? Приезжайте встречать западных товарищей...

конгресс Интернационала. Секретарь бюро, товарищ Кингиссепи, тшкетно пытающаяся что то объяснить худощавому смуглому индусу, одновременно опрашивая маленького вежливого японца, встает нам навстречу.

— Среди прибывших есть группа представителей юношеских организаций. Возьмите их под свое покрови-

Иностраные гости.

Из всех работников Губкома единственными, кто с грехом пополам мог объясняться по-немецки, были я и Татаров. Быстро организуем группу для встречи и едем в Смольный. В бюро Коминтерна шумно. Идет регистрация иностранных делегатов, прибывающих на 2 международный

съезд. Познакомьте с работой союза, покажите город.

Наши заметно волнуются. Встретиться с зарубежными товарищами, которые там, за пограничными кордонами, ведут революционную работу, в капиталистических странах! Впервые ощутить на деле братскую солидарность революционной молодежи всего мира!

¹⁾ См. № 16 „Вокруг Света“.

А вот и они. Как не похожи на наших! Столпившись вокруг человека в больших круглых очках, что то с жаром доказывающего, стоят несколько юношей. Увидев нас, они начинают улыбаться навстречу.

Кто-то из наших пытается начать приветственную речь, но тотчас сбивается с тона. Да что тут говорить! Понятно и так. Протянутые руки сплетаются в дружеские объятия и веселой гурьбой, объясняясь жестами и мимикой, мы двигаемся к автомобилям...

По дороге знакомимся. Человечек в круглых очках оказывается известным поэтом-революционером Максом Бартелем. Крепкий, коренастый юноша с значком КИМ'а в петличке — Вилли Мюнценберг, секретарь международного бюро молодежи, один из заслуженных вождей мирового юношеского движения. Белокурый скандинавец, сдержанный и молчаливый — Яльмар Викстен, секретарь союза молодежи Швеции. Остальные представляют отдельные организации Германии, Англии, Швеции и Швейцарии...

Смуглый, экспансивный, подвижной как ртуть, представитель германского союза молодежи, редактор журнала «Junge Garde», Лейнград, рассказывает о своем путешествии:

— Да, никогда не думал, что придется играть роль пианино. Смейтесь? Нет, серьезно!... Никак нельзя было пробраться через границу. Спасибо, наши матросы выручили. Предложили на сутки поселиться в ящик от пианино. Пришлось согласиться. Погрузили меня на пароход и вот в этом ящике я благополучно миновал все кордоны и таможенные досмотры. Ну и духотище, скажу я вам, в товарном трюме! Думал, что живым не приеду, задохнусь. Спасибо грузчикам! Носили и ставили меня так осторожно, как фарфор, а не то и костей не собрать бы.

Несколько дней, оставшихся до открытия конгресса, западные товарищи провели в Петрограде. Они знакомилась с работой нашей организации, с европейской добросовестностью задавая подчас такие вопросы, которые нам и в голову не приходили. С их участием мы организовали грандиозный интернациональный митинг во дворце Урицкого. Отдельные члены группы выступали в районах, в клубах, на отдельных собраниях. Наш журнал обогатился статьями приехавших. Попутно они целыми днями рыскали по городу, с жадностью воспринимая новые впечатления...

Кончился конгресс и пора уже было думать о возвращении.

Прошло немного времени и «гости с запада» стали обычным явлением в жизни нашей организации.

КРОНШТАДТ И ВОЛЫНКА.

Над Питером снова нависли черные тучи. Обманутый английскими шпионами, восстал Кронштадт. Кучка мятежников захватила власть на боевых судах Балтфлота и угрожала городу. На фабриках и заводах мутной волной разосталось брожение, заслужившее в те дни меткое прозвище «волынки».

Как и всегда в моменты боевой опасности, питерская организация объявила мобилизацию. К этому времени Союз был уже настолько мощен, что каждый район смог дать в распоряжение партии и военного командования отряды по 150—250 чел. Используя опыт прежних мобилизаций, комсомольцы создавали отряды самокатчиков, связистов, боевые роты, отряды санитаров.

В ожидании знаменитого ледяного штурма восставшей крепости, отряды были наготове. Но основная часть работы протекала в городе. Надо было переломить настроение рабочих и здесь партия большие надежды возлагала на молодежь, как на наиболее революционно настроенную часть рабочего класса.

Все силы Союза были брошены на эту работу. Целые дни проводили наши агитаторы на фабриках и заводах, выступая на собраниях молодежи, создавая отпор «волынкам».

Настроение переламывалось. В этот момент надо было нанести волынке решающий удар. Бюро Губкома постановило выпустить воззвание от имени Губкома к питерской молодежи.

С постановлением бюро спускаюсь к себе в редакцию.

В уголку на диване сидит Безыменский. Поэт, любимый певец молодежи, прикатил из Москвы вместе с выделенным московскими товарищами боевым отрядом.

— Ну, что, Дыржа, как дела?

— Да вот, надо воззвание выпустить. Бери перо!

Стараемся. Выходит бледновато. Обычные митинговые фразы как то не звучат. Надо придумать, что-нибудь осо-

бенное, яркое, сразу захватывающее внимание, врезающееся в сознание.

Безыменский задумчиво покусывает карандаш.

— А что, если стихи?..

— Какие стихи?

— Да видишь ли, в поезде я тут стишонки написал. Призыв к молодежи. По-моему, вышло здорово. Что если вклеить их в воззвание?

— Что-то мне не помнится, чтобы серьезные воззвания выпускались в стихах. А впрочем?.. Ну, давай сюда твои стихи!..

Подымаюсь в бюро. После долгих споров решаем выпустить листовку, наполовину текст, наполовину стихи.

Теперь дело за визой Губкома партии. Еду в Смольный. Здесь идет заседание. Через секретаря передаю свое дело. Приглашают войти. В табачном дыму от волнения плохо различаю лица. Слышу голос товарища Цыперовича:

— А, красная молодежь! Ну, читайте ваше воззвание...

А у меня стихи... Но делать нечего, объясняю положение.

— Ну, что же с вами делать! Валяйте, декламируйте. Послушаем.

Никогда в жизни я не думал, что мне когда-нибудь придется декламировать стихи перед такой аудиторией. Мысленно проклинаю Безыменского с его нелепой затеей.

Сразу пересыхает в горле. Голос никак не хочет слушаться.

«Неужели молодежь, чьи пламенные души
Горели, как костры в их огненной груди,
Хотя-б на миг один ту мысль в себе задушит,
Что юность и в труде, и в битве — впереди?»

Серьезные лица слушателей помогают совладать с волнением. Слова начинают звучать уверенней.

«Но в битве — за себя. Но в битве — за Советы,

За подлинную власть мозолистой руки.

А не за тех врагов, чьи подлые наветы

Сулят царя и трон. Нам — гибель, им — мешки».

По лицам вижу одобрение. И совсем смело заканчиваю:

«Изменникам — позор! Предателям — проклятье!

Рабочие — к станкам! На помощь — молодежь!».

— Здорово! Ну, скорей, выпускайте ваше воззвание. Возражений нет?..

Радостно лечу в типографию...

ЛЕНИН.

На 2 октября 1920 г. в Москве был назначен III Всероссийский съезд РКСМ.

Перед отправлением в Москву едем к Бадаеву.

— Так и так. ЦК предупреждает, что с пищей для делегатов будет плохо. Отощают наши ребята. Помогите, Бадаич!

Долго крутил питерский кормилец свой хохлацкий ус, наконец решил:

Выдать хлеба, селедок и три боченка масла...

С этим маслом на съезде мы оказались самой богатой делегацией. С нами соперничали только туркестанцы, захватившие с собой чуть не полвагона мешков с сухими фруктами. Между нашими коммунарами быстро налажился товарообмен.

Общежитие делегатов было устроено в помещении бывшей учительской семинарии на Садовой. Огромные казенного типа залы наполнились буйной, веселой толпой комсомольцев. Днем делегаты рыскали по Москве, а вечером, собравшись под сводами семинарии, устраивали «вечера спайки», как они теперь называются. Песни, пляски, смех, игры приводили в смущение старых семинарских сторожей, косо поглядывавших на непрошенных гостей.

В качестве представителей юношеской печати, Безыменский, Мазнин и я приехали на съезд с совещательными голосами. Что ж делать, решили организовать свою группу «безмандатных» и начать выпускать посвященный съезду журнал «Подзатыльник». Быстро закипела работа. Мы были тогда очень молоды. Веселье и юмор в нас били через край. Наш орган быстро приобрел популярность и его успех был просто ошеломляющим. На прочтение каждого очередного номера еще до выпуска устанавливалась запись всех делегаций. «Подзатыльник» с совершенно серьезным лицом пародировал бюллетени ЦК, высмеивая все текущие злобы дня.

Наконец, наступил день открытия съезда.

Еще с утра между делегатами разнесся слух: Ильич обещал выступить с большой речью!..

На все вопросы члены ЦК отделялись молчанием, хитрыми усмешками:

— Подождите до вечера, там видно будет...

Уже задолго до восьми часов огромная аудитория Свердловского Института, где было назначено открытие съезда, была переполнена молодежью. «Какая смесь имен и лиц, племен, наречий!...» Кожанки и тужурки питерцев и москвичей, крестьянские зипуны саратовцев и рязанцев, пестрые халаты и тубитейки туркестанцев и татар, нагольные полушубки сибирцев, смушковые шапки украинцев, папахи и бешметы кавказцев переливаются пестрой волной. Горят возбуждением молодые лица, блестят глаза.

В президиуме Бухарин, Луначарский, Преображенский, Подвойский...

Ровно в восемь часов звонкий голос Шацкого от имени ЦК РКСМ объявляет III Всероссийский съезд открытым...

— Слово предоставляется председателю Совета Народных Комиссаров, тов. Ленину...

Точно все ждали именно этих слов! Как раскат грома, как рев прорвавшейся плотины, взрывается, оглушает буря, шквал, землетрясение аплодисментов. Делегаты

вскакивают с мест... Когда мало средств выразить всю любовь, всю радость, всколыхнувшую сердца при одном упоминании великого имени!..

„Вечера спайки“.

Но где же он? Глаза напряженно всматриваются в кучку на эстраде.. Ах вот!..

Такая знакомая, близкая, по обыкновению скромная фигура торопливо пробегает к трибуне. Еще на ходу Ильич по привычке нетерпеливо отмахивается от оваций. Улыбаясь, он знаками беспомощно пытается укротить вышедшее из берегов море... Но куда там! Проходит несколько минут, прежде чем зал начинает успокаиваться...

— Товарищи! — и с первыми звуками знакомого голоса в зале как бы чудом воцаряется немая тишина. Затаив дыхание, впитывая глазами в трибуну, молодежь слушает своего вождя...

Большой полтора-часовой доклад Ильича был посвящен задачам молодежи в деле строительства коммунистического общества.

Эта речь Ленина стала как бы завещанием, оставленным им молодежи. С обычным умением смотреть далеко вперед, Ленин четкими контурами наметил в ней основные задачи, стоящие перед молодежью. И твердо осуществляя заветы вождя, революционная молодежь с тех пор стойко идет по намеченному им верному ленинскому пути.

А. ДОРОХОВ.

ИЗ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ АФРИКИ.

Всемирное бюро туризма, знаменитые Кук и Ко, уже давно успели ополщить великую пустыню Сахару своими туристами англо-саксонской расы. Автомобили Куковских агентств бороздят безграничные пески там, где когда-то только караваны верблюдов, проходили не торопливым, важным шагом. Ахающая или скуающая толпа туристов в пробковых шляпах, с Беджерами в руках, потешает туземцев и повергает в ужас юрких ящериц.

Но пустыня таит еще много неожиданностей и чудес, доступных только очень пытливному и смелому путешественнику.

Экспедиции англичанина Бьюкенена удалось найти интереснейшее селение в местности Вильну, в шести днях пути от города Айр.

Маленькое селение Фази, с населением в сотню душ, некогда было местом ожесточенных боев между различными племенами арабов, боровшихся за обладание этим местечком.

Фази замечателен тем, что все его постройки — стены и крыши домов, крепость с башней, высокий вал вокруг селения — возведены из соли.

Отсутствие дождей, большая сухость климата дают возможность существовать этому городу уже много десятков лет. Но зато почва настолько пропитана солью, что добывать пресную воду приходится из колодцев глубиной до 30—40 метров. Главной пищей жителей служат мясо и молоко овец, которые довольствуются скудной растительностью этой чудовищной страны.

Не менее сказочен и другой город — Ассубат, о котором рассказывает один швейцарский путешественник. Он лежит в отрогах скалистых гор в нескольких днях езды от Триполи и насчитывает население почти в 10.000.

Начинаясь в пещерах над поверхностью земли, этот город постепенно уходит под землю и в нем существуют целые улицы, лежащие на десятки футов ниже уровня земли. Эти подземные катакомбы хорошо проветриваются, и, благодаря естественной защите, в них всегда держится ровная прохладная температура — большое преимущество в Африке — и они недоступны иссушающим песчаным заносам.

Но крупным недостатком этого подземного города служит, конечно, отсутствие в нем дневного света.

ФАБРИКА БУДУЩЕГО

Очерк М. Ильина.

Рисунки Н. Дормидонтова.

Содержание: Машина времени существует. Когда 10 шагов равны 80 километрам. Система Тэйлора и первый паровоз. Франк Джильберт и его микроскоп времени. Возрождение иероглифов в XX веке. Франк Джильберт учит каменщиков работать. Джильберт берется за лопату. Там, где люди стоят, а вещи движутся. Сногсшибательные цифры. Самый большой рабовладелец после Нерона. Рабочий будущего — инженер. Парии двух командиров. На фабрике будущего

ФАБРИКА БУДУЩЕГО.

Машина времени существует.

Можно ли представить себе, как будут жить люди через сто лет?

О будущем написано множество романов, но ни один из них не выдержал критики времени. Достаточно двух десятков лет, чтобы казавшееся пророчество превратилось в наивную сказку.

Мало ли что может придумать праздное воображение! Писатель прошлого века, Одоевский, воображает, например, что через две с половиной тысячи лет, люди будут носить платье из «эластического стекла», и, обедая в ресторане, запивать «превкусный» азот «кислоугольным» газом.

Путешествия в будущее решительно не удаются романистам.

И все-таки, я утверждаю, что путешествие в будущее не только возможно, но и совершалось множество раз. Тот астроном, который вычислил солнечные затмения на много лет вперед, тот инженер, который вычертил и рассчитал новую машину, тот политический деятель, который по новому перестроил государственный аппарат, — все это люди, побывавшие в будущем.

Машина времени, о которой рассказывает Уэллс, существует. Эта машина — наука.

Наука дает нам возможность многое предсказать, обо многом догадаться. Повсюду в настоящем рассеяны зародыши будущего. Нужно только уметь их найти.

А как заманчиво хоть одним глазком заглянуть в какой-нибудь 2.000-ный год. Теперь, когда идет борьба за усиление хозяйственной мощи Республики Советов, за создание нового социалистического мира, когда каждый номер газеты приносит новые и новые сводки с поля битвы, хочется знать, чем эта борьба кончится. Как будут люди трудиться тогда, когда хаос человеческих отношений превратится в стройный гармоничный порядок?

Попробуем же вообразить, какой будет фабрика будущего.

Когда 10 шагов равны 80 километрам.

С какого аэродрома унесет нас машина времени в будущее? Начнем свое путешествие с передовых позиций техники — американских заводов.

Америка — родина НОТ'а — научной организации труда. Американец Тэйлор, изобретатель быстрорежущей стали, первый заявил во всеуслышание, что все без исключения люди не умеют работать. Самый ловкий рабочий делает в течение дня множество лишних движений. Самый способный директор фабрики говорит тысячи ненужных слов и подписывает тысячи ненужных бумаг. Взрослых людей нужно научить ходить, поворачиваться, нагибаться, поднимать тяжести, говорить, писать и даже думать.

«Если двенадцать тысяч рабочих сэкономят каждый день по десяти шагов, получится экономия времени и энергии в 80 километров». Это слова крупнейшего фабриканта Америки — Генри Форда.

Нет ничего проще, но даже простые истины даются людям с трудом. Скольких усилий стоило в свое время

вбить в человеческие головы, что машинный труд лучше ручного. Не так давно, лет полтораста тому назад, промышленники города Манчестера, узнав об изобретении прядильной машины, явились в дом изобретателя, положили модели и машины, убили бы и его самого, если бы он не спасся бегством.

Изобретение НОТ'а вызвало в промышленности такую же революцию, как изобретение машин. За десять лет после изобретения прядильной машины, цена пряжи упала втрое. Во столько же раз упала цена автомобиля с 1919 г., когда Форд пустил свой автомобильный завод, работающий по НОТ'у.

Там, где правильно проводится НОТ, производительность подымается на сотни процентов.

Система Тэйлора и первый паровоз.

Первый паровоз был достаточно неуклюжей штукой. Первая система НОТ'а тоже не отличалась простотой и изяществом.

Задача была поставлена Тэйлором правильно: труд должен быть организованным, а не беспорядочным. А решение было нелепо и негодное.

Тэйлор и его ученики прежде всего старались выяснить, сколько времени нужно, чтобы сделать ту или другую работу. С хронометром в руках, принялись они разгуливать между станками и высчитывать, сколько секунд нужно, чтобы нарезать болт или обточить гайку. Каждую работу разделили на отдельные движения — «микродвижения». Например, чтобы поднять с пола стальную болванку и положить ее на станок, рабочий должен сделать десять движений: нагнуться, взяться правой рукой за болванку, приподнять правый конец, подхватить левой рукой, приподнять обеими руками и т. д. и т. д. На все это нужно от 0,19 до 0,22 минуты. А раз так, то давайте требовать, чтобы все рабочие поднимали болванки не больше, чем в 0,19 минуты. За исполнение урока назначим премию, а для того, чтобы рабочие делали в точности то, что надо, без лишних движений, вывесим над станками «инструкционную карточку» с наставлением.

Одним словом: левое плечо вперед, налево кругом, ряды сдвой и так далее в этом же роде.

Все было придумано чудесно. И результаты тоже были как будто чудесные: на одном заводе в Филадельфии, где работа была организована по Тэйлору, производительность поднялась на 80%.

Но все обстоит хорошо только с виду. Всюду, где появлялись люди с хронометрами в руках, вспыхивали забастовки. Рабочие догадались, что хронометр — это усовершенствованная клетка, которая пущена в дело, чтобы принудить их работать с удвоенным напряжением. В результате нельзя насчитать и дюжины заводов, которые работали бы по системе Тэйлора.

В чем же дело?

А в том, что в «научной» системе Тэйлора ничего научного не было. Вместо того, чтобы определить, во сколько времени можно сделать работу, не утомляясь, Тэйлор брал выработку самого сильного рабочего и делал ее обязательной для всех.

Перегрузка вредна машине, а тем более человеку.

Ясно, что на фабрике будущего мы не найдем и следов системы Тэйлора. Пусть она мирно хранится в музее, вместе с первым паровозом и другими изобретениями старины.

Франк Джильберт и его микроскоп времени.

Если мы хотим узнать, как будет устроена фабрика будущего, мы должны обратиться не к Тэйлору, а к Франку Джильберту, талантливому американскому инженеру.

Джилберт тоже разлагает работу на отдельные движения, только гораздо точнее.

Человеческий глаз не может уловить промежутка времени меньше одной седьмой секунды. Но это может сделать кинематограф. Снимая рабочего обычным кино-аппаратом, можно получить 16 снимков в секунду. Новейшие аппараты дают еще больше снимков — до 300. Такой киноаппарат «видит» в сорок раз лучше нашего глаза.

Но для изучения работы мало разложить ее на «микродвижения». Нужно знать продолжительность каждого из них. Для этого Джилберт, во время съемки ставит около рабочего очень точный хронометр, измеряющий тысячные доли секунды.

Так хронометр + кинематограф дали Джилберту возможность, микроскопировать время. Но еще интереснее «световая запись» движений. К телу рабочего прикрепляют в нескольких местах маленькие электрически фонарики. Съемка производится обыкновенным фото-аппаратом при слабом освещении. На снимке человеческой фигуры почти не видно. Единственное, что бросается в глаза, — это клубок светлых линий. Каждая линия — путь фонарика: чем меньше линий, тем меньше движений, и работа правильнее.

Но анализ движения нужен Джилберту не для определения урока, а для определения наиболее правильных способов работы. Изучив движения рабочего, можно выбросить из них все лишнее.

Возрождение иероглифов в XX веке.

Джилберт утверждает, что все движения можно свести к 17 основным элементам, как бы атомам труда. Для каждого элемента Джилберт придумал значек, чтобы можно было всякую работу записать сокращенно. Стоит посмотреть на эти значки, чтобы убедиться, что это те же египетские иероглифы, только возродившиеся каким то чудом в XX веке.

Вот они все.

Приглядитесь к значкам. Разве значок «отдых» не изображает сидящего человека — совсем, как в египетских иероглифах. А «неустранное промедление» разве это не падающий человек. Или «нести тяжесть», — ведь это ладонь, поддерживающая шар, а «выпустить тяжесть» — та же ладонь, только перевернутая. Каждый значок можно истолковать, как упрощенную до последней степени картинку, изображающую то или другое движение.

Суть работы Джилберта, конечно, не в этих картинках, а в его выводах, к которым он пришел, изучая разные виды труда.

Франк Джилберт учит каменщиков работать.

Трудно не удивляться той смелости, с которой Франк Джилберт взялся за пересмотр работы, насчитывающей тысячелетний опыт, — работы каменщика. От отца к сыну, от каменщика к подручному, шло искусство каменной кладки, постепенно совершенствуясь и уходясь. Казалось бы, что тут можно прибавить или выбросить. Мы так привыкли к постукиванию черенком лопаточки о кирпич, что нам кажется невозможной отмена этого постукивания.

И однако Джилберт пришел к выводу, что постукивание и многое другое в работе каменщика — вредная и ненужная проволочка времени. Из семнадцати движений каменщика, тринадцать можно и должно выбросить с пользой для дела. Постукивание, например, нужно для того, чтобы кирпич лег плотнее и выдавил часть раствора в промежутках между кирпичами или, как говорят, в шов кладки. Но если приготовить раствор нужной густоты, он будет подниматься по шву под влиянием самого кирпича без всякого постукивания.

Джилберт заметил, что каменщик нагибается за каждым кирпичем. Чтобы избавить его от этого утомительного движения, Джилберт приспособил к лесам особую скамеечку для складывания стопок кирпича.

Трудно перечислить все упрощения, которые Джилберт внес в работу каменщика.

Результаты были поразительные. Вместо 1.000 штук в день, каменщики стали складывать по 3.000.

Джилберт берется за лопату.

Изучая работу землекопов, Джилберт нашел, что для каждого материала лопата должна быть определенной формы и веса. Песок нельзя загребать лопатой, приспособленной для угля, уголь — лопатой, годной для земли. Если лопата забирает слишком мало, труд малопродуктивен. Если слишком много — утомителен.

Всякую работу надо пересмотреть так, как Джилберт пересмотрел работу каменщиков и землекопов. Рабочий не должен искать инструмент или материал, все должно быть под рукой, на своем месте. Инструменты должны быть устроены так, чтобы ими было удобно и неустойчиво работать. Все лишние движения должны быть выброшены, а необходимые — упрощены. Вот какие задачи должен решить НОТ. На фабрике будущего ни одно движение не будет лишним или неправильным.

Там, где люди стоят, а вещи движутся.

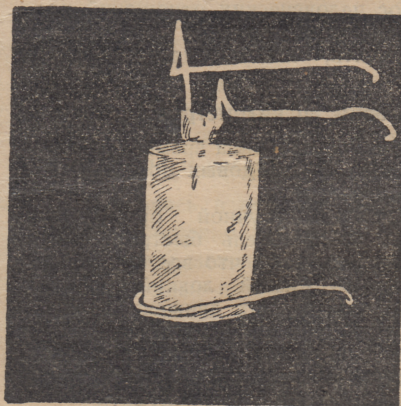
Если где-нибудь на земле эта идея осуществлена, то это на фабриках автомобильного короля Форда. У Форда люди стоят, а вещи движутся. Никто не должен ходить, нагибаться, поднимать тяжести. Движущаяся лента, так называемый конвейер, с точно определенной скоростью и с определенным числом остановок, несет отдельные части мимо рабочих, которые собирают из них автомобиль. Каждая отдельная часть собирается таким же образом. Но не только сборка, даже отливка чугунных частей производится на движущейся платформе. Чугун прямо из домы попадает в форму, форма движется дальше, отливка по пути остывает и тут же, на ходу, подвергается очистке, обработке и сборке. В результате готовый автомобиль выезжает на улицу Джон Р. Стрит, пересекающую фабрику Форда в Хайленд-Парке.

Если все это возможно, то только благодаря очень далеко проведенному разделению труда. Каждая работа разложена на десятки движений. Каждое движение выполняется отдельным рабочим.

Световая запись движений.

Неправильный способ работы. Рабочий разрывает бумажный мешок с цементом отбрасывая в стороны клочья бумаги.

Правильный способ работы. Рабочий вспахивает мешок около дна и поднимает верхнюю половину.

«Тот, кто вгоняет болт, не заворачивает гайку, кто ставит гайку, не заворачивает ее накрепко» и т. д.

Ни одна секунда не пропадает даром. Конвейер движется с такой скоростью, чтобы рабочий не утомлялся и не стоял без дела.

Сборка тележки автомобиля продолжалась раньше 12 ч. 8 мин. Когда работа была поставлена так, как только что было рассказано, время сборки сократилось до 1 ч. 33 мин.

СНОГШИБАТЕЛЬНЫЕ ЦИФРЫ.

Результаты таковы.

Фабрика Форда выпускает 4 тысячи автомобилей в день, 1.250.000 в год. Тракторов выпускает миллион в год.

Цена на автомобиль упала с 950 долларов в 1919 году до 355 — в 1921 году. В то же время зарплата на заводе Форда больше, чем на других заводах. Предприятие дает такую прибыль, что Форд в состоянии хорошо платить своим рабочим.

Форд, который еще недавно служил и получал жалование в 45 долларов, теперь самый богатый человек в мире. Его состояние равно нескольким миллиардам.

Благодаря Форду, в Америке один автомобиль приходится на 5 человек, а в некоторых штатах на 3 человека.

И все это сделал НОТ.

Неправильный способ работы. Кирпич лежит в беспорядке.

Самый большой рабовладелец после Нерона.

Если так, то, может быть, фабрика Форда и есть фабрика будущего.

Нет, и тысячу раз нет.

Ведь на фабрике Форда люди превращены в рабов. Шутка ли, целый день загонять болты в отверстия одним и тем же движением, или подвинчивать гайки тысячи раз в день. От такой работы самый живой и способный человек станет тупым и пришибленным созданием. Да Форду и не нужны способные рабочие. Загонять болт в отверстие можно научиться в две минуты.

У Форда нет квалифицированных рабочих. Недаром его называют «самым большим рабовладельцем после Нерона».

В конце-концов, не люди для фабрик, а фабрики для людей. И надо надеяться, что рабочие будущего так же мало будут похожи на рабочих Форда, как и на рабочих фараона Рамзеса Второго.

Главное зло на фабрике Форда в том, что там все еще чересчур много ручного труда. Транспорт, т. е. передвижение вещей, механизирован до предела. А самая сборка изделий производится руками. На фабрике будущего механизация будет проведена гораздо дальше.

РАБОЧИЙ БУДУЩЕГО — ИНЖЕНЕР.

Разделение труда было хорошо в свое время. В будущем разделение труда останется не столько между людьми, сколько между машинами.

Машина освободит человека от физической работы и даст ему время на работу умственную. На фабрике рабочий будет только контролировать, направлять ход машины.

Но если так, то не вырождаются ли люди в физическом отношении? Разумеется, нет! Чем меньше сил и времени будет отдавать человек фабрике, тем больше останется для спорта. Да и на фабрике работа будет организована так, чтобы человек не терял здоровье.

Пари двух командиров.

Два командира на фронте держали пари, чей отряд скорее выкопает траншею. Один обещал саперам награду и предоставил им работать по собственному усмотрению. Другой разделил отряд на три смены. Каждая смена работала пять минут и отдыхала десять. Пари выиграл второй командир: его отряд кончил работу гораздо раньше и меньше утомлен, чем отряд его товарища.

Вот, как много значит правильное соотношение между трудом и отдыхом.

Тот, кто хочет работать по НОТ'у, должен знать, что такое усталость. Усталость это не отвлеченное понятие, а вещь. Ее можно переносить с места на место. Если кровь утомленной лошади впрыснуть в жилы свежей, еще не рабствовавшей, получится удивительный результат — у второй, ничего не делавшей лошади, появятся все признаки утомления.

Усталость — это яд, образующийся в организме во время работы. Организму нужно известное время, чтобы

Кладка кирпичной стены.

Правильный способ работы. Кирпич сложен в стопки.

справиться с ядом усталости, выбросить его вон. Работа без достаточного отдыха ведет к отравлению, которое обычно называют переутомлением.

На фабрике будущего, никто не будет работать до переутомления. Для каждого человека и каждой работы будет точно определено отношение труда к отдыху. Для этого и сейчас существует уже множество способов. Придуман целый ряд инструментов для определения частоты дыхания, давления крови, биения сердца. У человека, утомленного работой, дыхание чаще, давление крови выше, сердце бьется не так ровно и правильно. На наших фабриках считается обязательным изучать работу машин с помощью самопишущих приборов-индикаторов. По индикаторной диаграмме судят о здоровье машины. На фабрике будущего такие же индикаторные диаграммы будут сниматься с живых машин — людей.

Самый простой способ определения усталости доступен каждому. Прикоснитесь ножками циркуля к коже лица или руки. Вы почувствуете одно или два прикосновения, смотря по тому, насколько раздвинуты ножки. Для каждого участка тела существует свое расстояние между ножками циркуля, при котором чувствуется не одно, а два прикосновения. Чем больше усталость, тем чувствительность кожи меньше и тем больше приходится раздвигать циркуль, чтобы почувствовать два укола. Институт прикладной психологии в Берлине, изучая работу всеми этими способами, нашел, что рабочая неделя должна продолжаться от 33 до 45 часов.

Вероятно, на фабриках будущего будут работать не больше 6 часов в день.

Мы подошли вплотную к фабрике будущего. Войдем внутрь, чтобы получше все рассмотреть.

НА ФАБРИКЕ БУДУЩЕГО.

Первое, что бросится нам в глаза, это огромные окна и очень небольшие простенки между ними. В помещении светло, как на улице. Это, правда, вызывает большие затраты на отопление в холодное время, но издержки с избытком окупаются выгодностью хорошего освещения.

За оконными стеклами — зеленая листва. Здание окружено садом. Город, в котором находится фабрика, город-сад.

Воздух чистый и свежий, как в деревне. Машины работают почти бесшумно. Шум вредно отражается на работе и на душевном состоянии работающих. Приняты все меры для его устранения.

Чистота — поразительная. На полу ни соринки, стены окрашены масляной краской.

Рабочие — в удобной и красивой прозодежде. Все это здоровые, краснощекие люди. Можно поручиться, что свободное время они отдают спорту.

У каждой машины удобный стул, построенный на научных основаниях. Над доской управления с рубильниками, выключателями, измерительными приборами — карточка, в условных знаках обозначающая порядок и ход работы.

Все делают машины. Люди только контролируют их работу. Физического труда меньше, чем сейчас на электрической станции, где монтер только поглядывает за своими динамо.

Передача изделия от машины к машине производится конвейерами.

Складов нет. Сырье вливается в одни ворота фабрики, готовые изделия выходят из других. Автоматические счетчики регистрируют расход энергии и материала.

Отбросов нет. Все используется без остатка, либо здесь, либо на других фабриках.

Энергия подается без проводов с центральной станции, находящейся на расстоянии многих верст от фабрики. Угля давно уже нет — все его запасы израсходованы. Часть энергии добывается на гидростанциях, разбросанных по рекам и водопадам. Но большая часть добывается иначе. Огромные станции, построенные на тропиках, поглощают непосредственно солнечную энергию и рассылают ее без проводов по всему миру. Весь мир электрофицирован.

Диаграммы счетчиков, записывающих расход энергии и материалов, поступают для контроля в штаб руководителя фабрики. Ни один килограмм, ни один киловатт не должны пропасть даром. Ведь материалы и энергия — это тот же человеческий труд, который нельзя расточать.

Сидя у себя в кабинете, руководитель в любой момент может повидать и переговорить с любым из своих сотрудников с помощью телефона и телевизора (аппарата для дальновидения). Он может взглянуть на любую машину и любое изделие, не сходя с места.

Бумажная переписка не нужна. Архивы с пудами бумаги давно забыты.

Руководитель фабрики несет за нее полную ответственность. Ему подчинены руководители цехов, которые также целиком отвечают за свой цех. И так до рабочего, который отвечает за свою машину. Никто не может сваливать ответственность на других.

Все рабочие — квалифицированные. Чернорабочих нет. По окончании технической школы, рабочие направляются не на биржу труда (ее нет и в помине), а в психо-технический институт. Там определяют их способности и призвания и направляют на такую работу, которой они будут заниматься успешно и с удовольствием.

Однообразная работа вредна. Перевод с одной работы на другую, производится по отношению, ко всем рабочим.

Все рабочие мира делятся на две смены: одна работает на фабриках, другая — на земле. Нет рабочего или крестьянина, есть рабочий-крестьянин.

Работа на земле механизирована. И здесь человек только наблюдает за машинами, которые приводят в движение энергии, передаваемая без проводов.

Нет больших городов и жалких деревушек. Город-сад, занял их место. Большие города были созданы скверным транспортом. Они не нужны, когда ничего не стоит перенестись из одного города в другой.

Свободное от работы время, люди отдают спорту и прогулкам по белу свету.

Во всех частях света — огромные парки, вроде Йеллоустонского в Америке. Стоит вам захотеть и вы перенесетесь на берега Амазонки или склоны Алтайских гор и наблюдаете жизнь природы, нетронутой рукой человека.

Споры о том, что лучше — природа или культура, город или деревня, давно прекратились.

Здоровый, веселый человек — полный хозяин земли.

РОЛЬ ПТИЦ В ПРЕДСКАЗАНИИ ПОГОДЫ

Земледельцы, охотники, лесники подметили, что птицы в состоянии предчувствовать изменение погоды, давление воздуха, степень влажности, приближение бурь, гроз и т. д. В зависимости от физико-географических условий местности птичий мир того или иного края имеет свои особенности. Если вести сезонные наблюдения над местными птицами, то возможно заранее предсказывать погоду.

Большое влияние оказывают атмосферные изменения на интенсивность птичьих перелетов (как массовое явление). Отмечено, что на островах Балтийского моря пролеты весной останавливаются из-за туманов. В теплую, мягкую осень перелеты растягиваются нередко на продолжительный срок; птицы не спеша тянут к югу, часто останавливаются в пути на кормежку и только наступление заморозков ускоряет отлет. Такая картина особенно заметна в северных губерниях, когда валовой пролет стремительно прекращается с появлением снежной пелены и замерзанием вод.

Обыкновенно, птицы узнают погоду только на ближайшее время. Грачи, скворцы и зяблики весной прилетают иногда слишком рано, а зима неожиданно возвращается. Тогда птицам приходится откочевывать южнее; если при подобных странствованиях птицы гибнут, то надо принять во внимание их не особенно быстрый полет в сравнении, напр., с движением вихрей циклонов, волн холода (скорость птиц на перелетах не велика: аисты в сутки делают около 250 км., вальдшнепы до 500 км.).

Весеннее появление белых трясогузок служит признаком скорого вскрытия рек. Прилет кукушек свидетельствует об установлении теплых погод и прекращении холодных утренников. Прилетевшие ласточки указывают на благоприятную погоду для сева яровых. Движения пролетных птиц при нормальном ходе явлений природы приручено к установлению весеннего тепла (блистание зарниц, первый гром).

Проф. Мензбир приводит данные о тяге вальдшнепов и токовании глухарей в соответствии с погодой. Тяга зависит от большей или меньшей влажности воздуха и температуры. При этом, недостаточно признаков, заста-

вляющих ожидать хорошую тягу в данный вечер. Погода следующего дня имеет чуть ли не преобладающее значение. Если вечер благоприятствует, но тяги нет, следует ожидать на другой день ненастья. Ток у глухарей в пасмурное, туманное утро начинается и кончается позже, чем в ясное. Немалое значение имеют резкие метеорологические колебания. Если несколько дней продолжалась хорошая погода, которая должна измениться в ненастную, то часто вовсе не услышишь глухаря. Тогда как при токовании глухарей в ненастное утро можно быть уверенным в улучшении погоды.

Народная примета указывает, что перед хорошей погодой морские птицы летят в море, в ненастье и перед бурей они стремятся к берегу. В приморских странах можно судить о стадии приливов и отливов по направлению летящих куликов, сорок, настолько правильны их перелеты.

На высоту полета имеют влияние метеорологические условия, рельеф местности, сытость птиц. Если в море следить за перелетными птицами, то при обыкновенных условиях они летят высоко, а от перемен в верхних слоях атмосферы (также в туманы и ночью) держатся гораздо ниже.

В степях водятся роскошно окрашенные шурки золотистые, называемые еще по роду пищи «пчелоедами». Охотясь за пчелами при хорошей погоде над лугами, шурки в ненастье ловят пчел возле ульев. На перелете ржанки и журавли в пасмурную погоду летят низко и молчаливо ведут себя на остановках.

Характерны также крики птиц. Бой перепелов особенно силен после прошедшего дождя и когда спадает жара. Коростели влажными весенними вечерами усердно кричат по низинам. У выпи крики достигают наибольшей мощи в темные ночи. Наоборот, кулик-авдотка и некоторые совы издают звуки, главным образом, светлыми лунными ночами. Вороны и галки перед снегопадом летят врассыпную и громко каркают на все лады. Из домашних птиц раннее пение петухов с вечера указывает на перемену погоды или оттепель.

И. Д. Брудин.

О ДРУГИХ МИРАХ

Научно-популярный очерк С. Б.—на.

УЖЕ с давних пор, со времен древних греков, человеческую мысль волновал вопрос о жизни на других планетах, о жителях других миров. И наблюдая за разнообразными формами жизни в различных странах, строили догадки, как могут выглядеть эти неземные существа. Ведь приспособляемость живых существ к окружающей обстановке отличается большой и неожиданной пестротой.

Земля, т.е. наш собственный мир, прошла через три стадии развития. Сначала масса земли, находясь в парообразном состоянии, представляла собой одну туманность. Далее последовал короткий промежуточный период, когда спала первоначальная жара и каким-то образом возникли живые формы, которые развивались в соответствии с окружающими условиями. На высшей ступени своего развития эта жизнь могла достигнуть таких форм, которые походили бы на живых существ, одаренных разумом. После этого сравнительно короткого периода жизни, наступил третий и последний период, когда более или менее исчерпался запас внутренней жары и появились различные типы растений, которые, достигнув своего полного развития, начали склоняться к упадку по мере того, как земной шар стал захватываться т. наз. ледниковым периодом.

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что различные планеты возникали в различные времена, равно как неодинаковой была и продолжительность их развития. Отсюда естественно возникло предположение, что необходимые для жизни условия могут существовать и на других планетах, а не только на одной нашей Земле. И большие планеты, по всей вероятности, проходили через различные стадии своего развития значительно медленнее, чем маленькие.

Возьмем Юпитер, самую большую планету в нашей Солнечной системе; по своим размерам он в 1230 раз больше Земли. Так как Юпитер дальше всего находится от солнца, он получает только одну двадцатипятую того света и тепла, которыми пользуемся мы. Продолжительность суток на Юпитере составляет только 9 ч. 55 м., а так как ось этой планеты почти перпендикулярна, то сезонные перемены практически здесь неизвестны в течение всего длинного года, который равняется почти двенад-

цати нашим годам. Сила притяжения на Юпитере в два с половиной раза больше, чем на Земле, и если кто-нибудь из нас попал бы на эту планету, то сразу же почувствовал бы, как его вес увеличился в два с половиной раза. Следовательно, чтобы чувствовать себя так же свободно, как на Земле, он должен был бы сократиться в своем росте до 75 сантиметров. Но сама планета настолько удалена от того периода развития, при котором возможно

появление какой-либо жизни, что всякое существование на ней живых существ совершенно исключается. Юпитер еще полон внутренней жары и поверхность его, вероятно, покрыта жидкостью, а покрывающие его облака поднимаются от кипящей внутренней части.

Рассуждая по аналогии, мы можем представить себе Юпитер, исходя из того состояния, в котором находилась Земля до появления на ней жизни. Правда, по истечении бесчисленных веков и на Юпитере могут создаться условия, благоприятные для появления растительной и животной жизни, хотя разумные существа, конечно, не должны иметь здесь той формы, к которой мы привыкли на нашей планете.

Те же факты, убеждающие нас в невозможности жизни на Юпитере, относятся в равной мере и к Сатурну. Эта планета почти в 700 раз больше Земли. Длина суток на Сатурне 10 ч. 40 м., а сам он состоит из столь мало сгустившейся массы, что мог бы как пробка плавать на воде. Его год равен 29½ земных

годов; получаемые им свет и тепло составляет одну девятнадцатую часть, приходящуюся на долю Земли. Внешний же вид Сатурна явно свидетельствует о таком расплавленном состоянии, которое совершенно исключает всякую возможность на нем жизни. Вся планета полна газов и жидкостей; внутренние силы постоянно выбрасывают огромные облачные массы.

Обращаясь к рассмотрению физических условий двух остающихся огромных планет, Урана и Нептуна, приходится отметить прежде всего недостаточность наших о них сведений. Обе планеты много меньше Юпитера, но Уран по величине своей в 72 раза больше Земли, а Нептун в 100 раз. Последняя планета настолько удалена от

солнца, что получает, сравнительно с Землей, только $\frac{1}{1000}$ часть света и тепла. На поверхности обеих этих планет видны облачные полосы, которые убеждают нас, что и они находятся еще в полурасплавленном состоянии. В частности атмосфера Урана состоит из легких газов, сама же планета полна того внутреннего огня, который исключает возможность существования живых существ.

ТЕПЕРЬ обратимся в Солнечной системе, к той внутренней группе планет, которые можно назвать обитаемыми мирами. Они отличаются от четырех огромных планет, только что рассмотренных нами, не по одной своей величине, но и по своим физическим условиям. Подобно нашей Земле, они уже достигли того периода, который допускает жизнь.

Меркурий, ближайшая к солнцу планета, получает тепло почти в семь раз больше, чем мы. Она является также самой маленькой, равно как и самой тяжелой, сравнительно с своей величиной, планетой. Словом, Меркурий представляет собою полную противоположность нашим огромным планетам. Окружающая его атмосфера значительно гуще, чем у Земли. Огромное количество получаемого им солнечного тепла, конечно, не допускает мысли о том, чтобы на нем существовали походящие на наши живые существа. Но окружающая Меркурий атмосфера покрыта массой облаков, которые могут защитить возможных обитателей этой планеты от избыточных солнечных лучей. Поэтому, если на нем и можно допустить существование растительной и животной жизни, то крайне незначительная на нем сила протяжения заставляет думать, что эта жизнь должна резко отличаться от привычных нам жизненных форм.

Венера всего ближе к нашей Земле по своей величине и продолжительности своих времен года. Вращаясь по одинаковой с нами орбите, эта планета не получает от солнца избыточных лучей, да и к тому же она вращается вокруг своей оси в сходное с нами время. Поверхность ее защищена достаточной облачностью, а присутствие водяных испарений в ее атмосфере точно также благоприятствует возникновению жизни. Любопытно, что ось вращения почти горизонтальна у Венеры, а потому там должны происходить резкие перемены в климате. Но если тамошняя атмосфера способна к более равномерной температуре в течение всего года, то расположенные по экватору области могут быть надежным местопребыванием для сходных с нашими животных пород.

Обычно вопрос об обитаемости связывается всего больше с Марсом, который, представляя собой шар, диаметром в 4,230 миль, вращается вокруг солнца в 687 дней. Сила притяжения на нем меньше, чем на Земле: наши 400 гр., будучи положены на поверхность Марса, весили бы несколько больше 6 унций; иначе говоря, если бы

взрослый земножитель попал на Марс, то он легко смог бы перепрыгивать через двухметровую стену. Длина суток на Марсе соответствует земной, составляя 24 ч. 37 $\frac{1}{2}$ м.

Марс имеет и сходную с Землей по своей густоте атмосферу и уже по одному этому его температура не может существенно отличаться от нашей. Рассматривая его так наз. каналы, предполагают, что самые большие каналы там образовались естественным путем и представляют собой площадь, покрытую растительностью, которая вытянулась по орошенной этими каналами почве. Эта теория проф. Пикеринга не предусматривает здесь искусственных сооружений, хотя возможность существования на Марсе разумных животных отрицать нельзя. Действительно, возможно и такое предположение, что каналы меньшего размера являются уже искусственными сооружениями, созданными в целях орошения пустынных земель. Все данные говорят, во всяком случае, за то, что атмосферные условия на Марсе весьма похожи на условия нашей Земли.

Каков же конечный итог современных научных исследований по вопросу о существовании разумных животных на других планетах.

Огромные планеты еще не достигли той ступени в своем развитии, на которой возможно появление жизни; маловероятна жизнь и на Меркурии, а Марс и Венера хотя и допускают возможность существования на них разумных существ, но не дают никаких доказательств этому предположению.

А, может быть, только мы, земножители, являемся единственными разумными существами во всей вселенной? Но такое гордое утверждение едва ли выдерживает критику. Земля только одна из бесчисленных пылинок в общей системе мироздания и ее заносчивое притязание должно быть отвергнуто, исходя уже из одной теории вероятности. Действительно, предположим, что в большом мешке находится один миллион белых зерен и только одно зерно красное. Если человека с завязанными глазами попросить вынуть из мешка именно красное зернышко, то много ли у него будет шансов вынуть именно его? Если бы каждого из нас, подозревая в тяжком преступлении, заставили бы опустить в этот мешок руку и вынуть любое зерно, а красное зернышко означало бы смертный приговор, то кто из нас не запустил бы смело в мешок свою руку?

То же самое и в вопросе об обитаемости других миров, кроме нашего земного шара. Ведь наша солнечная система только одна из многих других солнечных систем, каждая из которых имеет свои особые планеты. Так имеем ли мы право утверждать, что жизнь свойственна только нашей системе, и не будет ли правдоподобнее предположить, что среди миллионов солнц есть тысячи, у которых имеется подходящая для различных жизненных форм обстановка.

ЗАДАЧА С СОТНЕЙ ПТИЦ

Один человек проходил мимо дерева, на котором сидели птицы и сказал: «Здравствуй сотня птиц!» Птицы же отвечали: «Мы не сотня птиц. Не хватает еще столько же, сколько нас есть и еще половины и четверти оттуда.

И тебя нужно включить туда же, тогда только получится полная сотня». Сколько птиц сидело на дереве?

Эту загадку загадывают негры из племени Вазу-ахели. Как видите, эти негры не глупы, так как не всякий может разгадать их загадку.

$1 + x + x + \dots + x = 100$
 $1 + 99x = 100$
 $99x = 99$
 $x = 1$
 $1 + 99 \times 1 = 100$

ПОЧЕМУ МЫ КРУЖИМСЯ В ТЕМНОТЕ?

Давно известен факт, что путешественник, бродя ночью или в тумане по малознакомой местности, обычно кружит по ней, сам того не сознавая. Эти круги охватывают иногда несколько километров, иногда же бывают в поперечнике всего в несколько сот метров. В Венеции, на площади Марка, часто проделывают с туристами такой опыт. Завязывают испытуемому глаза и, поместив его в начале площади, дойти до находящегося впереди него собора. Он смело идет вперед и когда доходит до конца пути, снимает повязку и убеждается, что он уперся в боковую колоннаду! Между тем, размеры площади сравнительно не велики: 175 метров в длину и 82 метра в ширину.

Это загадочное стремление кружиться свойственно не только человеку, но и животным. «Полярные путешественники рассказывают о кругах, которые описывают в снежных пустынях животные, запряженные в сани. Собаки которых пускают плавать с закрытыми глазами, также описывают в воде круги. По кругу же летят и ослепленные птицы. Затравленный зверь, лишившийся от страха способности ориентироваться, спасаться не по прямой линии, а по спирали» *).

Кружение в степи — обычно в левую сторону — описывается многими путешественниками. Правдивый и многоопытный романист Майн-Рид, длинный ряд лет путешествовавший по прериям Америки, рассказывает в одном из своих романов, как путники, блуждая в степи, наехали на след от собственного фургона, описав таким образом круг. Индейцы Америки хорошо знают, что лошадь, олень и другие животные никогда не придерживаются в степи прямолинейного направления, а описывают круги; индейцы искусно пользуются этим на охоте и при поисках потерянных лошадей.

Все подобные явления долгое время казались загадочными. Между тем, они находят себе вполне естественное объяснение в том, что наше тело, как и тело животных, построено не строго симметрично. Асимметрия заметна уже в чертах лица. Посмотрите на фотографию человеческого лица, воспроизведенную здесь. Вам кажется, что лицо это строго симметрично; но это впечатление обманчиво. Действительно, разрежем снимок вдоль на две половины — правую и левую. Составив каждую из них со ее отражением в

зеркале, получим два лица: «правое» и «левое». Нетрудно заметить, что лица эти далеко не тождественны: каждое имеет свое выражение. Несимметричность распространяется на все тело: правая рука сильнее левой, правая нога при ходьбе выносится вперед не так далеко, как левая, и т. п.

Последнее обстоятельство и есть прямая причина того, что, шагая в темноте, мы неизбежно описываем дугу. Это — геометрическая необходимость. Если, занося левую

ногу, человек всякий раз делает шаг, который, скажем, на 1 мм длиннее, чем при вынесении правой ноги, то сделав, например, 2.000 шагов — 1.000 левой ногой и 1.000 правой, — человек пройдет левой ногой путь на 1.000 миллиметров (т.е. на целый метр) длиннее, чем правой. На прямом пути это, конечно, невозможно; зато вполне осуществимо на concentричных дугах. Зная радиус круга, описываемого человеком при блуждении вслепую, можно геометрически вычислить (расчет выполнен Я. И. Перельманом в упомянутой книге), что разница в длине «правых» и «левых» шагов человека равна примерно 0,4 миллиметра *).

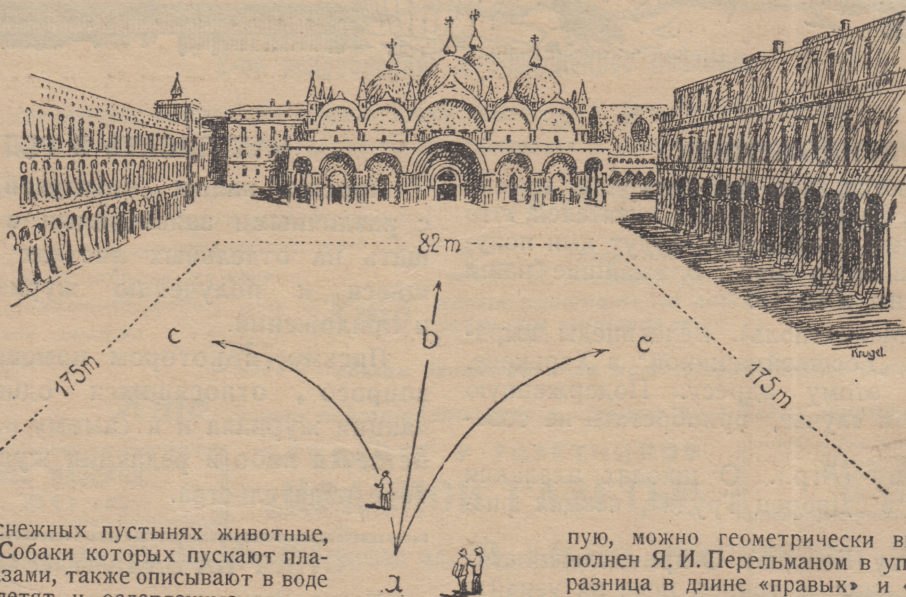
По сходной причине лодочник, гребуший правой рукой сильнее, чем левой, будет заставлять лодку загибать в левую сторону. Точно также и животные, делающие правыми конечностями более энергичные движения, чем левыми, или птицы, сильнее взмахивающие правым крылом — будет неизбежно описывать круги.

То обстоятельство, что большинство людей и животных, описывая круги, уклоняются именно в левую сторону, надо — согласно изложенной теории — объяснить более сильным развитием правой половины тела. Легко понять, что если правая нога

выносится дальше, чем левая, то все тело уклоняется непременно в левую сторону. Более же сильное развитие правых конечностей наблюдается, как известно, у большинства людей и у многих животных.

Вы видите, что кружение не представляет никакой загадки. Наоборот, было бы гораздо удивительнее, если бы человек и животные, двигаясь вслепую, не сбивались с прямолинейного пути: ведь это значило бы, что усилия правых и левых конечностей в точности одинаковы. Такое математическое совершенство в устройстве и функциях живого организма было бы поистине чудом.

Я. Лесной.

*) См. «Занимательную геометрию» Я. И. Перельмана, где вопрос этот подвергнут рассмотрению.

*) Нередко высказываемое соображение, что кружение обусловлено длиной ног — совершенно неосновательно.

О ПРИЛОЖЕНИЯХ

Многие обижаются, что мы застряли до сих пор с приложениями. Заверяем наших читателей, что все обещанные нами приложения будут ими получены до истечения этого года. Ближайшие наши приложения указаны в № 16.

Р. Назарову (Мелитополь). Велосипеды вырабатываются у нас „Госшвеймашиной“ в Харькове. Обращайтесь по этому адресу. Подержанную машину, во всяком случае, приобретать не советуем.

Г. Замеденскому (Лгр.). О школах плавания зимой обратитесь в „Дворец Труда“, секция физкультуры.

Е. М. Соловьеву (Бежица). О принадлежностях для переплетания книг и точной цене их узнайте в центральном кооперативе г. Брянска

А. А. Крылову (Запорожье). Население всего земного шара насчитывается до двух миллиардов. — Третья и последняя часть „Старые и новые“ начинается печататься с № 17.

КАК ПИСАТЬ В РЕДАКЦИЮ

Просим наших читателей, обращающихся с различными заявлениями в редакцию, помещать на отдельных листках вопросы, относящиеся к получению журнала, его премий и приложений.

Письмо, в котором помещен ряд различных вопросов, относящихся одновременно к редакции журнала и к самому издательству, часто остается либо в редакции журнала, либо в конторе издательства.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ О СОТНЕ ПТИЦ

Племя Вазуахели долго не могло решить задачи, но мы решим ее просто и быстро. Птиц должно быть: $x + x + \frac{1}{2}x + \frac{1}{4}x = 11\frac{1}{4}x$; $100 - 1 = 99$ (т. к. человек должен был присчитать себя). $11\frac{1}{4}x = 99$; $x = 36$. На дереве сидело 36 птиц.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ СЭМА ЛЛОЙДА

СКОЛЬКО ДЕТЕЙ

До появления близнецов в семье фермера, включая его самого и жену, было двенадцать душ, которым мешка муки хватало на 21 день. Когда семья увеличилась до 14 человек, мешка муки хватало только на 18 дней. Если бы прибавилось еще 4 едока, мешка хватало бы лишь на две недели. В настоящее время в семье насчитывается 12 детей.

Двенадцати минут достаточно для быстрого ума, чтобы решить эту задачу.

ИГРА В 25

В каждой игре, после первых двух чисел, два числа из шести (верхняя и нижняя сторона кости) не достижимы для второго игрока. Таким образом открывается широкое поле для тонких вычислений, ибо игрок должен не только оставить определенные очки для своего противника, но возможно лучше использовать другие очки для себя.

Анализ игры обнаруживает следующие выигрышные шансы:

24, если 1 или 6 являются верхними числами; 22 с 3 или 4; 21 с 3 или 4; 20 с 2 или 5; 17 с 3 или 4;

16 всегда выигрывает; 13 с 3 или 4; 12 с 3 или 4; 11 с 2 или 5; 8 с 3 или 4; 7 всегда выигрывает.

Проигрышные числа: 23, 19, 18, 15, 14, 10, 9. Никогда не оставляйте этих чисел для вашего противника.

Преимущество на стороне первого игрока, который выкликает к.-н. число, хотя второй игрок, удачным броском кости, может приобрести выигрышное положение и удержать его во всю игру. Однако, шансы против него.

Если первый игрок выбирает 1, второй игрок может выиграть, выбрасывая только 3 или 6; у него шансов вдвое меньше (два против одного), ибо он скорее может выбросить 1, 2, 4 или 5, чем 3 или 6.

Если первый игрок выбирает 2, второй может выиграть только очком 5.

Если первый игрок выбирает 3, второй может побить его только 4. Если первый выбирает четыре, второму нужны 3 или 4, если 5, бьют его 2 или 3, если 6, бьют его 1 или 5.

Итак, кто выкликает число, имеет безусловное преимущество; выбирая 2 или 3, он оставляет своему противнику лишь 5 шансов против 1, т.-е. если тому повезет выбросить два очка.

10000 Слов английских

2-ое исправленное и дополненное издание.

Настоящий самоучитель построен на основах живой разговорной речи, которая легка по своей форме, занята по своему содержанию и каждому дает возможность практиковаться в языке в любое время и любом месте.

Живая разговорная речь не только является ключом к языку литературному, т. е. вводит уже в понимание английской книги или газеты, но она же помогает практически усвоить те неизбежные правила грамматики, которые сами по себе многими плохо понимаются и быстро забываются.

1000 СЛОВ АНГЛИЙСКИХ ИЗУЧАЕТ ВСЯКИЙ

Кто стремится практически обладать разговорной английск. речью и ее правильным произношением хочет работать на легком, живом и богато-иллюстрированном материале

Кто связан временем и не может заниматься систематически

Кто хочет подготовить себя к чтению английских журналов и газет.

Цена 2-го издания
2 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ У ГАЗЕТЧИКОВ
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“

Цена 2-го издания
2 р. 50 к.

Ленинград, Фонтанка, 57. Москва, Советская пл., 34, и во всех контрагентствах „Красной Газеты“.

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НИМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устаревшим методам. Наилучшим признан новейший метод МЕР-ТНЕРА, избавляющий от необходимости заучивания слов и правил. Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 руб. 85 к.

Москва, улица Герцена, д. 9/17, „Русско-Иностранная Книга“.

Нашим читателям!

Редакция просит своих читателей высказаться о желательных приложениях, премиях и конкурсах на 1928 г.

Ред. „Вокруг Света“.

В. БЕЛЬШЕ

ПОЛОВОЙ ВОПРОС (ЛЮБОВЬ В ПРИРОДЕ)

3 больш. тома, 955 стр., изд. Госиздата. Цена 2 р. 50 к., с пер. 3 руб. Высыл. деньги вперед, за перес. не платить (можно почтовыми марками). Заказы направлять: Москва, Никольская, 17/19, пом. 42 книжный склад „КНИГОСБЫТ“.

10000 Слов немецких

Это не школьное руководство, а богато иллюстрированный и новейший самоучитель немецкого языка. Занимательный по своему содержанию, он легок в усвоении и экономичен по времени: весь курс из 5 выпусков можно пройти в шесть месяцев.

Самоучитель построен на ограниченном запасе слов, но это те слова, которые помогут читателю быстро овладеть основами живой немецкой речи и правильным ее произношением.

Разговорная проработка материала выдвинута на первое место. Это дает полную возможность читателю практически овладеть основами живой немецкой грамматики и подготовить себя к чтению немецких газет и журналов.

Цена отдельного выпуска 15 коп.

Требуйте у всех газетчиков, в книжных киосках и на вокзалах.

2 руб.

Весь курс из 15 выпусков по подписке

2 руб.

Ленинград, Фонтанка, 57. „Красная Газета“.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС

„СТОМАХИОН“

Пляска

ИРА ЛЕПЕШИНСКАЯ

(Москва)

получает первый приз по нашему
второму конкурсу:

„СТОМАХИОН“

Срыв со старта

Прыжок через барьер

ЧАСЫ-БРАСЛЕТ

(согласно ее выбору).

Нырющий

